

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Военные
Вприключения
П

ПУТЬ В "САТУРН"

Военные приключения

Василий Ардаматский

Путь в «Сатурн»

«ВЕЧЕ»

1963

АрдаMATский В. И.

Путь в «Сатурн» / В. И. АрдаMATский — «ВЕЧЕ»,
1963 — (Военные приключения)

Группе советских разведчиков удастся внедриться в немецкий центр шпионажа «Сатурн», осуществляющий подрывную деятельность на московском направлении. Доступ к секретной информации противника позволяет нашим тайным агентам успешно осуществлять задания командования... «Путь в “Сатурн”» – первая книга знаменитого военно-приключенческого романа Василия АрдаMATского «“Сатурн” почти не виден».

© АрдаMATский В. И., 1963

© ВЕЧЕ, 1963

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Василий Ардаматский

Путь в «Сатурн»

Эту повесть автор посвящает памяти советских разведчиков, погибших на незримом фронте Великой Отечественной войны. Подвиги живых и память о погибших молчаливо хранит архив. Нарушим молчание. Теперь это сделать можно. Возьмем одну из папок, стряхнем с нее пыль времени. Начнем читать документы. И вот мы уже слышим живые голоса и видим героев повести.

Пролог

Глубокой ночью по обводной полосе подмосковного военного аэродрома медленно прохаживались, негромко разговаривая, комиссар государственной безопасности Леонид Иванович Старков и подполковник Михаил Степанович Марков. Оба они были в штатском, и это вызывало к ним любопытство людей аэродрома, на котором в это время шла своя ночная жизнь. Где-то на невидимых в темноте стоянках самолетов вечно бодрствующие механики пробовали моторы. Когда мотор умолкал, его рев еще долго повторяло эхо, глухое в недалеком лесу и звонкое в невидимых просторах вокруг аэродрома. На башне штабного здания неустанно вращался прожектор-маяк. Далеко отброшенный им конус света скользил по крыше ангара, по верхушкам деревьев парка и белым стенам домов военного городка, по перекрестью бетонных полос, по зеленой равнине аэродрома и потом опять по ангару, по парку. И так без конца. Когда конус света убежал с аэродрома, становились видны багровые светлячки оградительных сигналов.

Но Старков и Марков ничего этого не замечали, занятые своим разговором.

– Все же мне непонятно, – упрямо тряхнув головой, сказал Марков. – Если Крымов шлет из Берлина донесения, которые здесь считают провокационными, почему его не вызовут и не отдадут под суд?

– Скажу вам больше: ему даже не сообщают, как расцениваются здесь его донесения.

– Ничего не понимаю... – Марков остановился и, заглянув в лицо тоже остановившемуся Старкову, спросил: – А вы понимаете?

– Я успокаиваю себя мыслью, что тут действует очень высокая политика, в которую мы, грешные, не посвящены.

Они снова пошли рядом и некоторое время молчали.

– Ну, я понимаю, если бы Крымов сообщал какие-то абстрактные сведения, – взволнованно заговорил Марков. – Но он же перечисляет номера армий, двинутых Гитлером к нашим границам. Он сообщает даже примерный срок нападения. Да ведь и мы сами читаем в газетах сообщения о непрекращающихся нарушениях наших границ немецкими самолетами. Англичане – те прямо и открыто пишут о повороте Гитлера на восток. Что же это все? Дезинформация? Политическая игра?

– Вообще-то Гитлер – великий мастер политической авантюры, а против этого невредно выставить спокойствие и выдержку... – Старков посмотрел на часы. – Пойдем...

Марков понял, что Старков разговаривать на эту тему не хочет, и молча шел рядом с ним, погруженный в свои мысли.

Самолет, которого они дожидались, высоко пролетел над аэродромом; они увидели только цветные его огоньки и услышали глухой рокот моторов.

– Ну вот, Михаил Степанович, сейчас многое выяснится, – сказал Старков, провожая взглядом плывущие среди звезд цветные огоньки.

– И, может, придется объявить провокатором и Петросяна, – усмехнулся Марков.

– Меня сейчас интересуют не предположения Петросяна, а то, что скажет нам с вами немец, которого он везет.

Гул моторов снижавшегося самолета быстро нарастал, и вот в лучах зажженных прожекторов возник скользкий к земле двухмоторный воздушный корабль. Пробежав по бетонной полосе, он погасил разбег и, с ходу развернувшись, покатился туда, где стояли Старков и Марков.

В последний раз моторы самолета взревели и умолкли. Дверь в самолете открылась, и из нее спустились на землю лесенку. Первым из самолета вышел конвойный солдат с винтовкой. Чуть отойдя от самолета, он остановился, махнул рукой и взял винтовку наперевес. В дверях самолета показался высокий беловолосый парень в милицейской форме, но без головного убора. Посмотрев по сторонам, он легко соскочил на землю и чуть не упал: руки у него были связаны за спиной. Затем из самолета вышел еще один конвойный солдат и, наконец, низкорослый, похожий на борца мужчина в чекистской форме. В руках у него был небольшой чемодан. Он сказал что-то солдатам, и те повели парня в милицейской форме к штабному зданию. А сам он быстрыми шагами приблизился к Старкову и, вытянувшись, негромко сказал:

– Докладывает майор Петросян...

– Подождите. Пройдем в здание...

Спустя несколько минут они втроем сидели в отведенной им тесной комнате авиационного штаба и вели неторопливый разговор.

– А может, он был сброшен не один? – спросил Старков у Петросяна.

– Вполне может быть, товарищ комиссар! – быстро, напористо, как говорят южане, ответил Петросян. – Ведь служба ПВО обнаружила самолет, когда он уже уходил на запад.

– Поиск ведется?

– Весь минувший день и эту ночь. Но до моего отлета ничего не дал. Да и этот гад был задержан чисто случайно: он вышел к железнодорожной станции, а там им заинтересовался постовой милиционер.

– Он оказал сопротивление?

– Извините, товарищ комиссар, эту подробность я не выяснил.

– Напрасно. – Старков перевел взгляд на стоявший на полу чемодан. – Что там?

Петросян легко подхватил чемодан, раскрыл и вывалил на стол его содержимое: два пистолета и сумку с запасными обоймами к ним, компас, три пачки взрывчатки с привязанными к ним взрывателями, четыре электрические батареи для радиостанции и одну маленькую – к фонарику, ракетницу с пятью патронами разных цветов, две обоймы к автомату и миниатюрную аптечку.

Старков и Марков внимательно осматривали каждую вещь. Майор Петросян нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

– Он знает латышский язык? – спросил Старков, рассматривая удостоверение.

– Наши рижские коллеги сказали, что плохо. Допрос вели по-немецки.

– Не жил ли он в Латвии до репатриации оттуда немцев?

Петросян приподнял свои борцовские плечи.

– Он же вообще никаких данных о себе не сообщает. Только острит, чтоб мы торопились. И смеется, гад! – Большие черные глаза Петросяна от злости сузились. – У меня, товарищ комиссар, сложилось впечатление...

– Подождите со своими впечатлениями, – строго оборвал его Старков. – Он знает, что находится в Москве?

– Знает, гад. Когда мы приземлились, засмеялся и говорит: «Я прибыл в Москву раньше всех».

– Давайте его сюда.

Петросян быстро вышел из комнаты. Старков обернулся к Маркову и, встретив его тревожно спрашивающий взгляд, спокойно сказал:

– Допрашивать буду я... Весь разговор – по-немецки. Вы ведете протокол – для виду. Схема допроса такая: если он хочет жить, пусть не только нас торопит, но поторопится и сам. Нам же торопиться некуда: на его расстрел нам достаточно пяти минут, мы все знаем и без его показаний. Так сказать, не допрос, а чистая проформа перед тем, как расстрелять. И вы уже оформляете протокол расстрела. Бандиты, как правило, обожают жизнь. Ставим на это...

– Ясно, – отозвался Марков.

Вернулся Петросян, и вслед за ним конвойные ввели немца. Старков мельком взглянул на него и показал на стул:

– Сядьте сюда.

– Благодарю вас, – четко произнес немец, сел, посмотрел на настенные часы, которые показывали двадцать минут второго, и улыбнулся.

– Ваши имя и фамилия? – небрежно спросил Старков.

Немец не отвечал и, продолжая улыбаться, смотрел то на Старкова, то на Маркова, то на Петросяна.

– Можете, если хотите, назвать вымышленное имя, – сказал Старков.

– Адольф Гитлер! – выкрикнул немец, перестав улыбаться.

– Это имя не подойдет, – поморщился Старков. – Его неудобно вносить в протокол вашего расстрела. Сами понимаете. Пожалуйста, какое-нибудь другое.

В голубых глазах немца мелькнула растерянность. Он внимательно посмотрел на Старкова, на Маркова, занесшего ручку над листом бумаги, на стоявшего у стены Петросяна и, видимо, понял, что с ним не шутят.

– Все равно вы ничего от меня не узнаете, – заученно проговорил он. – И я очень советую вам поторопиться.

– Нам торопиться некуда, – лениво сказал Старков, и стал закуривать папиросу. – На расстрел хватит пяти минут.

– Вы же не знаете, что вас ждет! – воскликнул немец.

– Вы имеете в виду войну? Знаем, – сказал Старков, наблюдая за дымом от папиросы.

Немец явно оторопел. Несколько секунд он молчал, а потом угрожающе произнес:

– Вы ответите за это.

– За что? – искренне удивился Старков. – На протоколе расстрела мы поставим дату позднее, и, таким образом, вы будете расстреляны по законам военного времени, как шпион и диверсант. – Старков показал глазами на лежащие на столе вещи. – Ну, ну, давайте какое-нибудь имя. Не записывать же нам в протокол «господин икс»?!!

На лбу у немца проступила испарина. Он что-то обдумывал.

– А если я буду говорить? – вдруг спросил он уже без всякой амбиции.

– Вы отсрочите свою смерть, а может быть, избежите расстрела, – спокойно ответил Старков. – Мы из контрразведки, и, естественно, нам важно получить от вас сведения. Впрочем, поскольку вы явно не генерал, вряд ли мы услышим от вас что-нибудь действительно важное.

– Я давал присягу, – снова заученно выпалил немец.

– Мы тоже, – тихо сказал Старков. – Такова уж военная служба...

Немец молчал, напряженно глядя прямо перед собой.

– Вы член гитлеровской партии? – лениво спросил Старков.

– К сожалению, нет.

– Почему?

– Я жил не в Германии, – удивленно смотря на Старкова, ответил немец.

– Но после вашего возвращения из Прибалтики в фатерланд прошло время?

– Увы, недостаточное для того, чтобы я успел заслужить такое доверие.

В это время Марков нетерпеливо пошевелился, Старков посмотрел на него и обратился к немцу:

– Да, я забыл, назовите все же какую-нибудь фамилию... – Старков улыбнулся. – А то мой протоколист нервничает.

– Гельмут Шикерт, – чуть подумав, ответил немец. Старков подождал, пока Марков записал фамилию, и сказал ему:

– Сходите к начальнику конвоя, спросите, достаточно ли ему наших подписей. И у меня нет с собой печати.

Немец проводил Маркова испуганным взглядом.

– Еще несколько вопросов... не для протокола, а так, просто из чистого любопытства... – сказал Старков. – Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Не дотянули годика до круглой даты. С парашютом прыгали впервые?

– Да.

– Без тренировки? – удивился Старков.

– Считается, что новичок первый прыжок делает более уверенно и храбро, чем второй и третий, – ответил немец механически, думая, очевидно, совсем о другом.

– А что? Пожалуй, это верно, – обратился Старков к Петросяну. – Все же нужно быть храбрым, чтобы ночью прыгнуть в полную неизвестность...

Немец молчал. Эти домашние рассуждения Старкова докончили его: кроме всего прочего, такой допрос исключал для него возможность прибегнуть к заученной бравате.

Вернулся Марков и, не садясь больше за стол, сказал по-немецки:

– Протокол он принял, но просил не забыть поставить потом печать.

– Хорошо. Господин Шикерт, вы сами хотите что-нибудь сказать?

– Может, вы думаете, что я из службы безопасности? – тревожно спросил немец. – Я от армии.

– Абвер? – быстро спросил Старков.

– Да, да, – почти обрадованно подтвердил немец.

– Не велика разница, шпион абвера или шпион гестапо.

– Но на меня распространяются все законы в отношении военнопленных! – воскликнул немец. – Швейцарская конвенция!

– Да кто это внушил вам такую глупость? – сочувственно сказал Старков. – По всем законам участь пойманного шпиона безотраднa. Увы! Закончим на этом...

Старков и Марков встали. Немец продолжал сидеть.

– Встать! – приказал ему Старков. Немец вскочил, точно подброшенный пружиной, и вытянулся перед Старковым; его связанные за спиной руки так и рвались опуститься по швам.

– Я буду говорить... Я скажу очень важные для вас вещи... Я прошу вас... – немец бормотал это, не сводя со Старкова умоляющего взгляда.

Старков нехотя вернулся на свое место.

– Если вы надеетесь морочить нам голову – не выйдет.

– Нет, нет, я скажу все. Спрашивайте.

– Кто точно забросил вас?

– Подразделение абвера, имеющее название «Сатурн»...

Вот когда начался настоящий допрос, который длился больше часа.

Когда чуть занимался рассвет, немца вывели из штабного здания, посадили в машину и увезли в Москву. Потом на крыльце здания появились Старков, Марков и Петросян. Посмотрев в бледнеющее небо, Старков сказал:

– Ну что ж, возможно, это утро – историческое...

В этот момент где-то над ними оглушительно завывла сирена. Переглядываясь, они слушали ее и видели, как от военного городка к аэродрому бежали люди. Из штабного здания вышел летчик. Нахлобучивая на голову шлем, он смотрел на небо.

– Тревога? – спросил у него Старков.

– Война, – ответил летчик и побежал к самолетам.

Часть первая Навстречу врагу

Глава 1

- Кто вы такой? Фамилия?
- Пантелеев Григорий Ефимович.
- Профессия?
- Это вы в смысле профсоюза? Считайте, что вы был. Лет десять, как взносы не платил.
- Коммунист?
- Хранил Бог.
- Что это значит?
- Ну, даже близко к ним, к коммунистам, не был. Хранил Бог, говорю, от этого.

Человек, задававший вопросы, записал что-то в своем блокноте и, постукивая карандашом по столу, внимательно разглядывал своего собеседника.

Они сидели в просторной, залитой солнцем комнате. Ветерок, залетавший в раскрытые настежь окна, шевелил гардины и приносил с собой чуть слышный шум большого города.

Один из них – в добротном светло-сером костюме – по-хозяйски расположился в кресле. Другой – в мятом, потрепанном пиджаке и мешковатых брюках, заправленных в разношенные сапоги, – сидел скромненько, на краешке стула, всем телом почтительно подавшись вперед. Тому, который сидел в кресле, можно было дать лет тридцать пять. У него было худощавое лицо с резкими чертами, покрытое ровным, еще не сильным загаром. Выпуклые надбровья отчеркнуты темными бровями. Прямой тонкий нос и близко к нему поставленные серые глаза придавали его лицу выражение какой-то недоброй внимательности, которое, однако, мгновенно слетало, стоило ему чуть улыбнуться. Но сейчас он не улыбался...

Его собеседник был помоложе, и это было видно, несмотря на пушистые рыжеватые усы и бородку лопаточкой. Вздернутый широкий нос с раздвоенным кончиком и широко открытые маслянисто-черные глаза. После каждого вопроса бородатый всем своим широким корпусом делал движение вперед и, отвечая, пригибался, будто подобострастно кланялся.

– Где вы работаете?

– По бумагам я числюсь отсюда дальше далекого, аж за самой Колымой. А только теперь, я считаю, бумагам моим ноль цена, грош-копейка. Теперь я пожить хочу, господин начальник.

– Минуточку, минуточку, я не уловил. Что значит вы числитесь за Колымой?

– Так я там состою при леспромхозе.

– Кем?

– Сторожем или, если хотите, обходчиком.

– А здесь вы как очутились?

– Родной брат у меня здесь скончался, и я от него унаследовал домик с садом и огородом. Неловко так говорить о смерти родного брата, а все же мне повезло. Поносило меня по белу свету, как цветок одуванчика, – хватит.

– Когда умер ваш брат?

– Девятого февраля сего года.

– Вы сюда переехали когда?

– Четырнадцатого марта.

– Через месяц после смерти брата?

– Ну да! До меня же известие о его смерти три недели шло. Факт. Вы знаете, где та Колыма!

– А почему вы раньше не жили здесь с братом?

– У него жена была волчьего норова, терпеть меня не могла, покойница, царство ей небесное. А те далекие места я не сам выбирал.

– Как это не сам?

– Так меня, извините, сослали...

– Чего ж вы сразу не сказали, все тянете! Ну а за что же?

– За что? Как вам сказать... Работал я на лесозаводе под Казанью, подносчиком считался. И вдруг пожар, завод возьми да сгори. НКВД, конечно, тут как тут. Вредительство, говорят. И нас, восьмерых рабов Божьих, кто в ту смену работал, в ссылку.

– И вас судили?

– Ни-ни, ни синь пороху. Поспрошали вот, как вы сейчас. А потом сразу в поезд, в вагон с решеткой, и ту-ту...

– У вас есть справка?

– Вы меня просто смешите, господин начальник. Постройте в одну линию все наше население и прикажите: кто имеет на руках какую-нибудь справку из НКВД, тот пусть сделает шаг вперед и получит миллион рублей. Ни один не выйдет, жизнь кладу. Факт, НКВД, господин начальник, не справки давал, а сроки. Я свой срок еще два года назад отбыл. Жил там уже по вольной. И работал, как уже сказано, в леспромхозе. А тут вот умирает брат и оставляет мне дом. Я сразу, конечно, приехал и оформился в наследство. И тут же, между прочим, чуть наследство-то не потерял. Факт.

– Почему?

– Сейчас поясню. В апреле и мае шло оформление. Боже ж ты мой, мельница какая! Бумажки, справки, запросы. Ну, ладно, оформили. Теперь, думаю, надо же и себя оформить, уволиться, так сказать, из системы. А то ведь у нас с этим шутить не любят. Чуть что, пришлют тебе дезертира трудового фронта. У нас даже за опоздание на работу судят. Вот я и поехал в Москву, в свой, так сказать, наркомат. Прибыл я туда пятнадцатого июня сего года. Хожу там по этажам, по коридорам и никак добиться толку не могу. Весь от злобы зашелся, кричать на них стал. Тогда они выдали мне вот эту справку, что кадровый отдел вроде не возражает, чтобы я уволился по семейным причинам. Получил я эту справочку в пятницу и поехал сюда обратно. А как приехал, через сутки война началась. Поволынь они меня еще пару дней, не увидел бы я своего домика с садом и огородом.

– Документы по наследованию дома у вас с собой?

– Так точно. Вот...

– Чем занимался ваш брат?

– Художник по сельским храмам.

– Кто?

– Ну, понимаете, ездил человек по селам и обновлял на иконах лики святых. Но это не то что маляр настенный. Брат мой тому умению учился, два года в Угличе жил.

– А чем собираетесь заняться вы?

– Торговлишку самую малую заведу. Народ говорит, что по новому, по вашему стало быть, порядку это можно и даже имеет содействие немецких властей. Или врут люди?

– Почему врут? Мы за частную инициативу. Но что же вы будете продавать?

– Вещички разные из обихода жизни. Война-то растрясла людское имущество. Кто имеет, что продать, а кто в том нуждается. А я тут как тут – между ними: извольте, к обоюдной выгоде. Комиссия, одним словом, но не как-нибудь там налево, а по закону, согласно выправленного патента. Потому я к вам и пришел.

– Так... Так... Значит, когда умер ваш брат?

- Девятого февраля сего года.
- А когда вы приехали сюда?
- Я же сказал: четырнадцатого марта.

Человек, сидевший в кресле, помолчал и сказал:

– Вот тут, Бабакин, мне кажется, вы делаете ошибку. Дату смерти брата вы должны знать наизубок – с этим связано ваше счастье. А вот дату своего приезда сюда так точно называть не следует. Тут лучше сказать: в середине месяца. Так будет естественнее.

– Почему, товарищ подполковник? Ведь для него и дата приезда связана с тем же счастьем. В этот день он впервые видит унаследованный дом.

– Подумайте, Бабакин, подумайте. Ведь кто Пантелеев? Туповатый и темный тип. Для него каждая дата – это цифра, арифметика. Подумайте об этом. Дальше. Выбросьте словечко «факт». Оно не из лексикона Пантелеева. Теперь насчет профессии и профсоюза. Эту игру слов надо выбросить. Она может стоить вам слишком дорого. Ведь в составленных гестапо списках крамольных организаций наши профсоюзы упомянуты рядом с партией. А платили вы взносы или не платили, они могут на это не обратить внимания или просто не понять.

– Я и сам подумал об этом, – сразу согласился Бабакин. – Но вы так быстро спросили: «Профессия?» И я, как есть тип темный, переспросил: «В смысле профсоюза?» И тут же спохватился, но уже поздно. Учту, товарищ, подполковник.

– Не думать о таких мелочах нельзя. А в общем хорошо. Правильно, что у него нет большой злости на НКВД. Ведь действительно, никакой особой трагедии с ним не случилось. Работал подносчиком на лесозаводе под Казанью, а попал на север в леспромхоз. Может, ему на новом месте даже лучше стало. И со справкой из НКВД вы придумали здорово. Побольше таких вот находочек, и чтобы каждая работала на ваш типаж. Очень хорошее, например, выражение «вещички разные из обихода жизни».

– Это я у Горького вычитал, – улыбнулся Бабакин.

– Кстати, маляр настенный – такое выражение есть?

– Есть, товарищ подполковник. Я специально консультировался. Так говорят о плохих малярах, которым платят не за колер или красоту, а по размеру стены.

– Хорошо... – подполковник Марков снова осмотрел Бабанина. – И внешность уже приблизилась к норме, только вот борода слишком аккуратная.

– Отрастет. – Бабакин кивнул через плечо. – Что на фронте?

– Плохо... – Подполковник Марков подошел к висевшей на стене карте и подозвал к себе капитана Бабакина. – Вот уже где они. По данным на четырнадцать ноль-ноль сегодня. Окончательно утверждено: наша база будет вот здесь.

– Когда вы туда придете?

– Мы тронемся, когда их войска пройдут дальше на восток, а в этих местах все маломальски определится. Наконец, надо убедиться, что наши данные правильны и «Сатурн» расположился именно в вашем городе.

– А если нет, товарищ подполковник?

– Тогда придется на ходу перестраиваться. Еще раз, Бабакин: пока к вам не придут наши люди, вы ничем, кроме своей торговли, не занимаетесь. От прочности вашего вставания в город зависит очень многое. На первом этапе операции ваш ларек на рынке – главный узел моей связи со всеми, кто окажется в городе. Главный и единственный.

– Понимаю, товарищ подполковник. Буду только присматриваться к людям.

Марков повернулся к нему:

– Вы слышали? Я повторяю: абсолютно ничем.

– С ума можно сойти, товарищ подполковник! – тихо проговорил Бабакин. – Сидеть сложа руки, когда вокруг...

– Если вы серьезно, сейчас же подайте рапорт.

Бабакин вытянулся. Подполковник бросил на него сердитый взгляд и, вернувшись к столу, включил радио. Послышалась громкая оркестровая музыка, «тарелка» не могла пропустить ее через себя, она хрипела, дребезжала и, казалось, могла сорваться с гвоздя. Марков раздраженно выдернул штепсель и смотрел, как он качается на шнуре. Потом взял его и аккуратно вставил в розетку. «Тарелка» суровым голосом диктора предложила прослушать арию Ивана Сусанина...

Марков прошел к окну и стал смотреть вниз, на улицу, похожую на дно глубокого ущелья. Здесь, на десятом этаже, в глаза ему било слепящее солнце, а там, на дне ущелья, лежала синеватая мгла. За спиной уже рокотал бас Сусанина. Раздражение не проходило.

С того дня, когда Маркова назначили руководителем оперативной группы, которой предстояло действовать в глубоком тылу врага, он часто впадал в такое раздраженное, почти неуправляемое состояние. Вот, извольте ли видеть, открылось, что у него есть нервы, с которыми он не может справиться.

Когда Марков повернулся снова к Бабакину, тот продолжал внимательно разглядывать карту.

– Словом, ждать, товарищ Бабакин, – как только мог спокойно сказал Марков и вернулся к столу.

– И год ждать? – весело спросил Бабакин.

– Два! Десять! Ждать! – повторил Марков, стараясь не смотреть на улыбавшегося Бабакина.

Приглушенно буркнул телефонный звонок. Марков схватил трубку:

– Слушаю... Ясно... Он здесь...

Марков положил трубку и посмотрел на Бабакина.

– Я буду терпеливо ждать, товарищ подполковник, – сказал Бабакин с такой интонацией, будто хотел успокоить Маркова.

– Немедленно на аэродром, – сухо произнес Марков. – Приказ комиссара госбезопасности Старкова.

Бабакин вытянулся.

– Есть!

Они смотрели друг на друга почти в замешательстве. Марков вышел из-за стола к Бабакину.

– У меня, Алексей Дмитриевич, нервы тоже не из проволоки... – усмехнулся Марков, стараясь спрятать смущение. – Ну, желаю вам успеха. До свидания.

– Через десять лет? – рассмеялся Бабакин. – Если можно, хоть чуть-чуть пораньше.

Марков смотрел на него удивленно: неужели у этого черта нет нервов? Ему захотелось обнять капитана, сказать ему теплые, дружеские слова, но он этого не сделал. Они ограничились энергичным рукопожатием, и Бабакин быстро вышел.

Недовольство собой стало еще сильнее. Марков снова подошел к окну и, перегнувшись через подоконник, посмотрел вниз. Из подъезда выбежал Бабакин, посмотрел по сторонам и юркнул в стоявшую у тротуара машину, которая тотчас сорвалась с места, развернулась поперек улицы и помчалась к площади. Сусанин закончил свою арию, и «тарелка» снова надрывалась от оркестровой музыки. Марков со злостью посмотрел на нее и вышел из кабинета.

По коридору навстречу ему шел комиссар госбезопасности Старков.

– Бабакин отправился? – спросил Старков.

– Наверно, уже на аэродроме. Я к вам, товарищ комиссар.

– Сейчас не могу. Вечерком... – Старков посмотрел на хмурого Маркова и взял его под руку. – Вот что, едемте со мной. Поймали еще одну птичку из того же гнезда. По дороге и поговорим...

Машину вел сам Старков. Однако он успевал поглядывать на сидевшего рядом Маркова, который пристально смотрел вперед, но явно ничего не видел.

– Как Бабакин, в форме?

Марков вздрогнул.

– Вполне. – И, помолчав, прибавил: – А я вот обнаружил, что у меня есть нервы.

– Лучше поздно, чем никогда, – улыбнулся Старков. – Впрочем, лучше бы вы их обнаружили попозже, скажем, после войны.

Только когда машина уже вырвалась на широкую окраинную улицу, Марков сказал:

– Когда я на финской с отрядом лыжников рейдировал по тылам врага, нервов у меня не было.

Старков долго молчал, а потом заговорил как будто совсем о другом:

– Я сегодня ночью еще раз просмотрел досье на руководителей и работников абвера. – Старков прищелкнул языком. – Академики! На шеях кресты за Францию, за Чехословакию, за Испанию, за Польшу. Заметьте себе, Канарис возле себя дураков не держит. И во всех бандитских делах Гитлера разведка первое дело. Он бросает ее в обреченную страну, как квасцы в молоко, и молоко в два счета прокисает.

– Про то и говорю, – угрюмо пробурчал Марков. – Ни у одного из нас нет опыта в таких делах.

– В таких и не надо, – рассмеялся Старков. – Ну вот... А кого мы с вами против этих академиков выставляем? Скажем, в вашей группе. Рудин – парень из потомственной рабочей семьи. Кравцов – всего семь лет назад пас скот в колхозе. Тот же Бабакин: вся его академия – это завод, комсомол и армия.

– Именно, – иронически подтвердил Марков.

– Но есть, Михаил Степанович, одно «но»... – Старков весело посмотрел на Маркова. – Все они коммунисты!

Довольно долго они ехали молча, думая каждый о своем. У железнодорожного переезда пришлось остановиться и ждать, пока пройдет поезд.

Марков вздохнул.

– А все ж не думал я, идя в органы, что мне придется такое. Вы понимаете, это страх не за себя.

– Увы, Михаил Степанович, положение у нас с вами безвыходное, – сухо, без тени улыбки сказал Старков. – Назвались чекистами – полезай в опасные и нелегкие дела. Но все на нашей грешной планете, в том числе и самое необыкновеннейшее, свершают люди. Обычные люди. – Старков помолчал. – Шутка сказать, была громадная темная, как тайга, Россия с царем-батюшкой во главе. А на ее месте возникло светлое государство социализма. И сделали это мы. Между прочим, как раз батяка нашего Кравцова брал Зимний. И был тогда совсем неграмотным солдатом. А ваш отец что делал, когда была революция? То-то! Ну, хватит об этом, Степаныч. Обнаружил нервы? Тоже хорошо. Теперь вы знаете, где они, и можете ими управлять...

Машина мчалась по шоссе, которое было как прямая просека в лесу. Старков уменьшил скорость и посмотрел на спидометр.

– Где-то здесь...

Они проехали еще немного и увидели стоящего на шоссе офицера, который делал им знак остановиться.

– Сворачивать? – спросил у него Старков.

– Дальше не проехать, – ответил офицер. – Поставьте машину на обочину. Идти шагов триста, не больше.

Они вошли в лес, и сразу их обступила спокойная тишина, в лицо пахнули пряные ароматы горячего летнего дня. Марков невольно замедлил шаг. А Старков, будто не замечая

ничего вокруг, шел рядом с офицером своим обычным размашистым легким шагом. Они говорили о деле.

– Не сопротивлялся? – спросил Старков, отстраня свисшую на пути ветку.

– Нет. – Офицер засмеялся. – Его ведь первая девчонка обнаружила и подняла такой крик, что люди сбежались со всех сторон. А пистолет он даже не вынул. Удивительно, как люди его не прикончили! Мы в самый раз прибыли.

– Вам бы пораньше девчонки надо, – ворчливо сказал Старков. – Где его сбросили?

– Да тут же.

– А почему он отсюда не ушел?

– Говорит, решил ждать темноты. Сбросили-то его на самом рассвете.

– Парашют, снаряжение нашли?

– Он все зарыл и сам показал где.

– Имя девочки записали?

– Катя Лагутина. Дочка путевого обходчика. Она здесь...

– Я вижу, здесь целый митинг, – недовольно сказал Старков.

Они вышли на лесную поляну, на которой толпилось не менее сотни людей. Были тут и мужчины, и женщины, и, конечно, вездесущие ребятишки. Люди сгрудились вокруг парня в красноармейской форме, понуро сидевшего на гнилом пне. Рядом с ним на лугу лежал скомканный парашют и нераспечатанный грузовой контейнер.

– Здравствуйте, товарищи! – громко сказал Старков, подходя к толпе.

Отвечая Старкову, люди расступились.

– Кто из вас принимал участие в задержании парашютиста?

Ребятишки вытолкнули вперед девчушку лет четырнадцати. Босоногая, курносая, с растрепанными рыжими волосами, она исподлобья смотрела на Старкова. Вперед вышли еще три человека: пожилой мужчина в парусиновом мятом пиджаке, женщина с маленькой корзинкой земляники и круглолицый, багряно-румяный юноша в тибетейке на крупной бритой голове.

– Спасибо, товарищи, – сказал Старков, внимательно вглядываясь в их лица. Он остановил взгляд на Кате Лагутиной и увидел, что на правой щеке у нее засохшая царапина. – Это он тебя?

Катя фыркнула, тряхнула кудлатой головой.

– Ничего, я ему тоже... – Она прикрыла царапину ладонью.

– А он же мог тебя из пистолета?

– Пусть бы попробовал!

Старков рассмеялся и оглянулся на Маркова.

– Вон ты какая!

– Такая уж...

– Молодец, Катя! Спасибо тебе огромное.

– Не за что... – девчушка презрительно посмотрела на парашютиста. – Лезут, гады...

Старков приказал офицеру записать со слов тех, кто задержал лазутчика, как все это было, а остальных попросил разойтись.

– Нам надо работать, товарищи...

Люди не очень охотно стали расходиться. Старков подошел вплотную к парашютисту:

– Ну, герой Гитлера, назовись.

Подняв голову, парень с тупым страхом смотрел на Старкова и молчал.

– Фамилия? Имя? – повысил голос Старков.

– Куницкий, – негромко и хрипло ответил парашютист.

– Яснее, громче.

Парашютист прокашлялся:

- Куницкий Петр.
- Где в плен сдавался?
- Нигде не сдавался. Освобожденный я.
- Что значит освобожденный?
- Сидел в минской тюрьме. Немцы освободили.
- За что сидел?
- По тридцать пятой.

Старков переглянулся с Марковым.

- Академические кадры, ничего не скажешь. Что собирался здесь делать?
- Ничего не собирался. Думал, как сяду, дам деру куда подальше. В Сибирь, к примеру.
- Тебя обучали?
- Две недели и пять дней.
- Где?
- В спецшколе...
- Они, – тихо сказал Старков Маркову.

Он приказал офицеру доставить пойманного в Наркомат госбезопасности и кивнул Маркову.

- Поехали домой.

Шагая по лесу, Старков улыбался и посматривал на Маркова.

- Ну, как у нас с нервами?
- По крайней мере знаю, где они находятся, – отшутился Марков.

Старков остановился.

– Знаете, о чем я думаю? Ваша группа будет действовать там в благоприятнейших условиях. Да, да, Михаил Степанович, в благоприятнейших. Вспомните того первого, которого привез Петросян. Немец, не то что этот уголовник. Насколько у него спеси хватило? Ровно на сутки. А потом как он лебезил, как покорно ползал на брюхе, как поносил всю свою епархию! Ведь его же уверили, что война с Россией – веселая прогулка. И академики Канариса тоже развращены успехами. После легких добыч в Европе у них должна быть очень опасная для господина Канариса самоуверенность и наглость. Вы только подумайте, они вот на этого типа, на тридцатипятичника, возлагали задачу подорвать наш тыл! Наглецы! А тут Катя... – Старков посмеялся. – Одна Катя, и сюжета конец.

Они вышли к машине и остановились, любуясь зеленым коридором шоссе, по краям которого крутым водопадом рушился солнечный свет.

– И между тем – война... – тихо оказал Старков и вздохнул. – Садитесь, Степаныч. Надо ехать, война не ждет...

Машина развернулась и помчалась к Москве.

Глава 2

Самолет, на борту которого находился Бабакин, взлетел с Центрального аэродрома и, не деля традиционного круга, взял курс точно на запад. Бабакин был втиснут в кабину стрелка-радиста, вдвоем они не могли даже присесть, стояли, чуть подогнув колени, дыша в лицо друг другу. Стоило Бабакину чуть шевельнуться, он бился головой о пулеметную турель. Стрелок нервно оглядывал небо и потом со злостью смотрел на Бабакина: случись надобность, он не сможет вести огонь из-за этого бородатого.

Самолет летел низко, словно привязанный правым крылом к железной дороге. Чуть повернувшись вправо, Бабакин все время видел одно и то же – прямое двусторочие железнодорожного полотна и на нем эшелоны, эшелоны из кирпичиков вагонов. И было такое впечатление, будто эшелоны не движутся, а просто расставлены по всей дороге с небольшими промежутками. А вверху было блекло-голубое знойное небо. Впереди висело предзакатное громадное солнце. По отполированной руками стрелке пулеметной турели скользил нестерпимо яркий солнечный блик.

Стрелок резко дернулся, закрутил головой. Самолет в это время как-то боком взмыл от земли, у Бабакина перехватило дыхание, и вдруг он близко-близко увидел внизу жуткую картину разгромленного эшелона: несколько вагонов были опрокинуты и горели, паровоз лежал на боку, и вокруг него, точно молочная лужа, растекался пар. В стороне от поезда бежали люди. Бабакин понял: это случилось только что. Он глянул на стрелка, а тот в это время, до белизны закусив губу, бешеными глазами смотрел вверх. Бабакин тоже посмотрел туда: в голубом небе три самолета с черными крестами на крыльях один за другим пикировали к земле. Он ясно увидел, как из-под брюха первого самолета отделились и точно растаяли в воздухе черные сигары. Взрывов бомб он не видел и не слышал. Эшелон был уже где-то позади...

Теперь внизу был лес, над которым они летели так низко, что Бабакин видел качающиеся верхушки деревьев. Его начало подташнивать. Чтобы отвлечься, он стал думать о деле, которое ждало его там, впереди. Еще раз мысленно он повторял версию своей выдуманной судьбы. Но на этот раз привычное повторение легенды происходило по-иному: почему-то сознание все время рядом с выдуманным ставило то, что было в его реальной жизни. И так это выдуманное не сходилось с настоящим, что Бабакин вдруг со страхом подумал, что уверенно жить с этой выдуманной биографией он не сможет и сорвется... Подносчик на лесозаводе. Сослан на Колыму. Работал сторожем в леспромхозе. Унаследовал дом с садом и огородом. А теперь будет заниматься частной торговлей в оккупированном немцами городе. Сплошная мусть. А на самом деле его жизнь – простая, ясная: завод, комсомол, армия, учеба... По неисповедимому движению памяти вдруг перед его мысленным взором возникало давнее-давнее – ночевка на жигулевских скалах, высоко над Волгой. Это было в туристском походе в студенческие времена. Давно это было, а припомнилось так ясно, будто было это вчера. В каменной пещере бушует костер. Они сидят поодаль на обомшелых валунах, и кто-то заводит разговор о том, что, может быть, у этой самой пещеры вот так же сидели у костра, поджидая купеческие корабли, лихие волжские разбойнички. Генька Сугробов сказал с печальной миной: «Все погубила цивилизация. Даже разбойничков». А Таня Зиборова рассмеялась и сказала: «Да поглядите вы на себя, разве из вас получились бы разбойники? Да у вас храбрости хватает только на то, чтобы, не готовясь, идти сдавать диамат...»

И тогда он, Бабакин, обиделся и сказал: «Храбрость человека – это не его нос, который всем сразу виден». Кто-то неожиданно заговорил о Чапаеве. Что вот-де простецкий мужичок, многого не понимал, культурно говорить не мог, а стал легендарным героем народа. «Опять же героем его сделала война, – гнул свою линию Генька Сугробов. – И Павку Корчагина тоже. Она породила всех известных нам по литературе героев, включая сюда и артиллериста Тушина

из “Войны и мира”. А вон Чехов о войне не писал, так у него все герои – хлюпики, мелкота разная». Возражая Геньке, он, Бабакин, назвал своего любимого героя – Рахметова. Разве он не мужественный человек? «Не война, так какая-нибудь борьба! – не сдавался Генька. – А ты назови мне хоть одну героическую личность, которая выявилась, так сказать, на ровном месте жизни...» И он ничего ответить Геньке не смог...

Самолет снова взмыл вверх, и воспоминания точно сдуло воздушным вихрем. Бабакин на мгновение увидел большой город, над которым в нескольких местах закручивались в небо столбы черного дыма.

Самолет резко накренился, и тут же его сильно затрясло: он уже катился по корявому зеленому полю.

К остановившемуся самолету подъехала облезлая «эмка», из которой вылез рослый парень в брезентовом плаще и высоких болотных сапогах.

– Вы Пантелеев? – спросил он Бабакина.

– Ну... да, – чуть запнувшись, ответил Бабакин.

– Я за вами. Садитесь.

Парень сел за руль, Бабакин – рядом, и «эмка» помчалась к городу.

– Как дела? – спросил Бабакин.

– Плохо. Ночью уходим в лес. Мы уже думали, вы не успеете...

Странно выглядел город. Тихий солнечный день, а на улицах ни единой живой души, будто это не настоящий город, а оставшиеся после спектакля декорации.

– Все ушли? – спросил Бабакин.

– Если бы! – парень сердито ударил кулаком по баранке. – Всех разве вывезешь за такой короткий срок? Немало таких, кто остался из-за барахла... А есть такие, кто надеется, что жить можно и при оккупантах. Есть, конечно, и просто сволочи.

Минуя центр города, машина свернула в тихую улочку и, поднимая клубы пыли, промчалась по ней к самой окраине города. Там она круто завернула в глухой переулок и вскоре въехала во двор дома, на стене которого Бабакин успел прочитать вывеску: «Автотракторосбыт».

Бабакин с парнем вошли в дом.

– Сюда, – парень показал на дверь с табличкой «Управляющий конторой».

В тесном кабинете возле стола сидели пятеро мужчин в штатской одежде. На полу лежали туго набитые вещевые мешки. В углу возле двери стояли винтовки.

– Пантелеев? – спросил мужчина с крупной седой головой. Это был секретарь обкома партии Лещук.

– Так точно, – ответил Бабакин. Он по фотографии знал, кто этот седой человек.

– У вас должна быть... – начал седой, но Бабакин уже протягивал ему клочок бумаги с условной запиской от подполковника Маркова.

Секретарь обкома прочитал записку, тщательно ее разорвал, ссыпал клочки в пепельницу и поджег спичкой.

– Ну вот, – сказал он, когда бумажки сгорели, – я – товарищ Алексей. А это – члены нашего теперь подпольного обкома. С ним вы уже знакомы? – товарищ Алексей показал на парня, который встречал Бабакина на аэродроме. – Товарищ Завгородний. Теперь – товарищ Павел. Он, как и вы, остается в городе. Договоритесь с ним о связи.

– До появления нашей группы мне приказано бездействовать, – сказал Бабакин.

– Я это знаю. Но на всякий случай о технике связи вы должны договориться... – Товарищ Алексей тяжело вздохнул. – Обстановка такова: передовые подразделения противника достигли поселка кожевенного завода на западной окраине города. Там они пока и сидят. Наверно, не верят, что мы оставили город без боя. Наиболее важные объекты взорваны. С темнотой все мы кроме товарища Завгороднего уйдем в лес. Когда думаете вступить во владение домом? – спросил товарищ Алексей, и в глазах его мелькнула искорка смеха.

– Сегодня же.

– Ну и живите на счастье. Все документы по наследованию вами дома, как условлено, в городском архиве. Комар носа не подточит...

– Спасибо.

– Как Москва? – помолчав, спросил товарищ Алексей.

Бабакин молчал, не зная, как коротко ответить на этот вопрос. Он вспомнил Москву, какой увидел ее последний раз несколько часов назад, когда мчался в машине на аэродром. Пронизанная солнцем, по-летнему пестрая, она показалась ему опасно не военной. Возле памятника Пушкину толпились девочки с яркими цветами. А на углу возле тележки, торгующей газированной водой, толстяк в белом чесучовом пиджаке, сдвинув на затылок соломенную шляпу, со вкусом пил воду, и стакан в его руке излучал ярко-красный свет... Почему-то вспомнилось вот это, и Бабакин не очень уверенно произнес:

– Москва спокойна.

– Не слишком? – спросил товарищ Алексей, строго глядя в глаза Бабакину.

– Спокойна, если со стороны смотреть, – немного смутившись, пояснил Бабакин. – А вообще-то и в Москве все на войну повернуто. Москвичи валом идут в ополчение. Товарищ Алексей оценивающе оглядел Бабакина и сказал:

– Тут, смотрите, поосторожней. Фрицы у вас будут рядом, а в Минске они уже показали себя.

– Волков бояться – в лес не ходить, – улыбнулся Бабакин.

– Ну, ну... – товарищ Алексей еще раз оценивающе посмотрел на Бабакина, потом – на часы. – Давайте-ка, товарищи, собираться.

С первой, еще неплотной темнотой они ушли. Бабакин и Завгородний в окно видели, как они пересекли улицу и один за другим исчезли в проломе забора.

– Кто бы мог подумать, что приведется такое... – вздохнул Завгородний. – Ну, ладно. Помоги мне сжигать мосты.

Два бидона бензина они разлили внутри дома. Остальные вынесли во двор и там облили стены всех построек. Один бидон Завгородний опорожнил в «эмку», на сиденья. Потом намочил бензином тряпку и вынул из кармана спички:

– Ну, давай. До свидания.

Бабакин вышел на улицу и направился к центру города. Он не дошел еще и до первого перекрестка, как за его спиной с ревом и треском к небу взметнулось сине-желтое пламя.

Глава 3

Разведывательный центр «Сатурн», нацеленный на Москву, был создан абвером уже перед самым нападением на Советский Союз.

Чем было вызвано создание этого специального центра? Ответить на этот вопрос нелегко: все связанное с абвером – германской военной разведкой – происходило в глубокой тайне. Шеф абвера Канарис не любил оставлять следов. Известно его изречение, что разведчик, заботящийся о своем архиве, – самоубийца. Все же кое-что можно понять, проследив события того времени, нашедшие отражение в документах или в мемуарах, на которые невероятно плодотворными оказались недобитые гитлеровцы, в том числе и работники абвера.

Когда уже шла переброска дивизий к советским границам, состоялся разговор Гитлера с Канарисом «о русской проблеме». Этот разговор фигурирует в мемуарах, в переписке и даже в некоторых служебных документах. Упоминался он, в частности, и на Нюрнбергском процессе.

Что касается мемуаров, то изложение в них этого разговора находится в прямой зависимости от того, кем они написаны, с какой целью и где изданы. Так, в одном выпущенном в Мюнхене мемуарном сочинении автор его, упомянув об этом разговоре Гитлера с Канарисом, приходит к категорическому выводу, что, если бы Канарис не был изменником, этот разговор мог сделать совсем иным исход всей Русской кампании. Тут что ни слово, то дремучая глупость или злоумышленная ложь. Исход войны не зависит от разговоров. Уж что-что, а поговорить Гитлер умел... Наконец, если поверить этому запоздалому адвокату Гитлера, Канариса следует считать чуть ли не защитником интересов Советского Союза. Между тем Канарис был одним из наиболее опасных наших врагов. Он смертельно ненавидел нашу страну, фанатически желал ее разгрома, а поняв раньше других, что Советский Союз оказался Гитлеру не по зубам, он сделал все, что мог, для того, чтобы внушить нашим западным союзникам мысль не торопиться с реальной помощью СССР, а то и вообще отказаться от союзничества, вступив в войну на стороне Германии...

В Лондоне в свое время вышли мемуары, в которых не менее категорично утверждалось, что в вышеупомянутом разговоре Гитлера с Канарисом умный адмирал-де не мог в течение нескольких часов убедить Гитлера в том, что Россия – опасный противник. И снова ложь. Известно, что пущенное Гитлером в оборот выражение «Россия – колосс на глиняных ногах» принадлежит Канарису.

Ерунда! Никакого конфликта между Гитлером и Канарисом в ту пору и быть не могло. И тот и другой к Русской кампании приступали в ореоле славы покорителей Европы. Все казалось им легкодостижимым. И оба они были убеждены, что Россия – это колосс на глиняных ногах.

– Ударьте железной палкой по этим ногам сзади, а я сделаю все остальное...

Эта фраза Гитлера приводится в нескольких описаниях разговора, как и фраза Канариса о том, что в нужный момент самые опытные его люди окажутся за спиной Кремля.

Гитлер порекомендовал Канарису в России работать смело, уверенно и начисто отбросить разборчивость в методах.

– Если, действуя в Чехословакии, Норвегии и Польше, – сказал Гитлер, – нам еще приходилось помнить о традиционных симпатиях к этим странам лидеров англосаксов, то в России все допустимо, лишь бы свалить большевистский режим. И тогда те же западные лидеры своими руками наденут на нас ангельскую одежду.

Канарис с этим целиком согласился.

– Действуйте, адмирал! Бейте их наотмашь! Всаживайте им кинжал в спину! – быстро распаляясь, уже почти кричал Гитлер. – Все, что вы сделаете, заранее одобрено мной! Я вам полностью доверяю, и вашей груди не хватит для знаков доблести, которыми я вас увенчаю!

Канарис без слов благодарно склонил свою уже сильно поседевшую голову и только после пристойной моменту паузы заметил, что единственной трудностью, которую он видит в России, являются непостижимые размеры этой страны.

– Это не Норвегия, – сказал он, – которую можно между завтраком и обедом пересечь на дамском велосипеде.

В ответ он услышал небезопасное для него заявление Гитлера:

– Вы недооцениваете нашу нацию. Я хочу напомнить вам, что не кто иной, как русские, в войнах прошлого достигали не только Берлина, но и Парижа. И делали они это, когда не было ни танков, ни авиации, ни автомашин.

И, хотя Гитлер сказал это, криво улыбаясь одной правой стороной лица, Канарис счел за лучшее промолчать, преданно смотря фюреру в глаза...

И, наконец, всплыл еще один, для нас наиболее любопытный эпизод этого разговора. Канарис повел речь о трудностях с подбором агентов для работы в России. Все дело в языковой проблеме. О, эти неполноценные славянские языки! Ни один европеец не может научиться говорить по-русски без акцента... Гитлер не дал Канарису договорить, рывком встал и, пристукнув ладонью по столу, чеканя слова, произнес:

– Воспитанные мною немцы могут всё!

Канарис молчал. Он видел, что продолжать нормальный разговор с Гитлером уже нельзя, так как у него начиналось то состояние, которое сам Канарис через пару лет метко назовет «помешательством на самом себе».

– Вы, Канарис, оказывается, кое-что явно не понимаете, – все более наэлектризовываясь, говорил Гитлер. – У норвежцев был король, который являлся для них дублером Бога. У поляков были фанатерия, амбиция, национальный фанатизм и католичество. А мы одним щелчком развеяли все это в прах. А что у русских? Им и не снилась такая вера в государство, в вождя, которая одухотворяет всю новую историю великой Германии. В моих устах «я» – это и есть Германия! Ее настоящее и будущее! Провидение и немцы избрали меня своим вождем! Я обязан видеть дальше всех! Разве мне генералы не говорили, что с Польшей так гладко, как с чехами, не получится? Говорили! Польши не стало в несколько дней! Разве те же генералы не говорили мне, что во Франции мы завязнем? Говорили! На Францию мы потратили пару недель! Я знаю, что теперь малодушных теоретиков пугает план «Барбаросса». Они болтают о стратегии, подсчитывают русские дивизии. А мой расчет ясен и прост. Россия – миф двадцатого века! И этот миф развеет мой солдат, одухотворенный религиозной верой в меня и мою партию! Вы понимаете, Канарис, логику моих действий?

– Да, мой фюрер, – почтительно отозвался Канарис.

– Молниеносный удар и молниеносная победа, какой еще не видала история! – изрек Гитлер, рассекая рукой воздух.

Несколько секунд Гитлер, распрямив плечи и откинув назад голову, иступленными глазами смотрел прямо перед собой, и губы его нервно подрагивали. Потом плечи его сникли, и весь он точно погас и стал меньше.

– Я верю в вас, Канарис, – устало произнес он и сел в кресло.

– Спасибо, мой фюрер, – сказал Канарис и, пятясь, вышел из кабинета...

В последний месяц перед началом войны против Советского Союза в гитлеровском генеральном штабе почти ежедневно проводились так называемые контрольные советы, на которых проверялась готовность войск по отдельным деталям плана «Барбаросса». Обычно председательствовал на этих совещаниях начальник штаба Гальдер, а присутствовал цвет генералитета, командующие армиями и специальными ее службами.

Канарис присутствовал далеко не на всех заседаниях совета. Получив очередное приглашение, он поручал кому-нибудь из своих генералов позвонить от его имени Гальдеру и узнать, обязательно ли присутствие начальника абвера. Чаще всего следовал ответ: «Если у адмирала

найдется время, я рад буду его видеть». Это означало: можно не являться. Канарис вообще не любил бывать среди генералитета. Слишком много он знал об иных генералах такого, что не мог не раздражаться, видя их лицемерное подхалимство перед Гитлером. В свою очередь, эти генералы знали, что Канарису известно о них многое, и присутствие шефа военной разведки им тоже не доставляло удовольствия.

На этот раз сам Гальдер позвонил Канарису, когда тот еще находился дома, и попросил обязательно присутствовать на сегодняшнем совете.

– Что случилось? – с оттенком иронии спросил Канарис.

– Это не по телефону, – сухо ответил Гальдер. – Я вас жду.

Канарис догадывался, зачем он понадобился. Робеющие перед надвигающимися событиями генералы хотят, чтобы абвер положил им на стол данные, как и где без боев и без риска доехать до Москвы. Их явно не удовлетворяет его меморандум Гитлеру от 1 марта 1941 года. У Канариса были неофициальные сведения, что некоторые генералы, в частности только что назначенный одним из заместителей начальника штаба Паулюс, сомневается в достоверности данных меморандума о русских пограничных укреплениях и о возможностях советского железнодорожного транспорта. Не удовлетворены они и разделом меморандума о командном составе Красной армии. Во Франции-де абверу были известны абсолютно все командиры полков, а в России он не смог установить даже всех командующих армиями.

Словом, Канарис понимал, что у генералов есть достаточно претензий к данным военной разведки русского плацдарма, но, еще не выходя из дому, адмирал уже знал, как он всех их поставит на место...

Совет прямо с этого и начался – с критических замечаний по главному меморандуму абвера. И первым заскрипел как раз Паулюс. Он хотел абсолютно точно знать пропускную способность русских железных дорог на всех направлениях и отдельных участках, а также количество подвижного состава и в особенности паровозов.

– Вашему предшественнику на посту квартирмейстера эти данные в свое время были представлены, – как всегда, ровным и будто усталым голосом ответил Канарис. – Принимая пост, мой генерал, надо знакомиться не только с креслом предшественника...

Так, один из игры выбит. Кто следующий?

Неудача Паулюса разозлила генералов. Претензии посыпались одна за другой. Один хотел «достоверно, а не приблизительно» знать, кто стоит против него по ту сторону Буга. Обычно тихий и, как думал Канарис, побаивающийся его генерал Клюге вдруг с желчью набросился на меморандум, назвал его любительским сочинением и требовал перепроверки всех данных по интересовавшему его направлению Брест – Москва. Представитель воздушных сил, сославшись на заинтересованность в этом самого Геринга, хотел иметь уточненные данные о всех базах горючего советской авиации. В заключение он под общий смех обратил внимание Канариса на то, что в той части меморандума, где даются характеристики советских военных самолетов, имеется феноменальное открытие: один из советских бомбардировщиков наделен скоростью, вдвое большей, чем у истребителя «мессершмитт». «За таким самолетом гоняться бесполезно, – иронически сказал авиационный генерал и после паузы добавил: – Ибо такого самолета нет в природе».

Канарис выслушал все это, как всегда, со спокойным и даже сонным видом, изредка делая пометки в блокноте. Наконец Гальдер предоставил ему слово.

Заглянув в блокнот, он заговорил тихо и внятно:

– С самолетом – явная опечатка, и я извиняюсь, что из-за этой глупой опечатки, понятной каждому фельдфебелю, представитель наших славных воздушных сил отнял время у столь важного собрания. – Канарис перевел взгляд своих черных маслянистых глаз на авиационного генерала. – Я недоумеваю только по поводу того, почему вы, заметив опечатку, не исправили ее, а ждали этого совещания. Неужели вас так волнует чисто эстрадный успех? – Канарис положил

блокнот в карман и продолжал: – По-человечески я понимаю многие высказанные здесь претензии. Конечно же всем вам хочется знать о противнике как можно больше, но есть, однако, объективно существующий предел возможностей разведки и соответственно должен быть предел требовательности к нам. Пример в этом отношении показывает фюрер. На меморандуме, о котором здесь шла речь, он написал, конечно, приятную для меня, почему я ее и помню дословно, резолюцию. В ней всего три слова: «Великолепная, обнадеживающая картина...»

Гальдер понял, чем грозит создавшаяся ситуация, и сказал примирительно, что никто здесь меморандум не дезавуирует и речь идет только о каких-то отдельных деталях.

Канарис, не повышая голоса и не торопясь, верный своей будто бы сонной манере, сказал:

– Я не вижу никакой разницы в том, сказать ли, что меморандум негоден полностью, или сказать то же самое о каждой его странице в отдельности. Дальше. Я почему-то не вижу у вас в руках дополнительных к сводке тетрадей: синюю, зеленую и черную, в которых мы дали уточненные и новые данные по многим разделам... – Канарис прекрасно знал, где эти тетради: они лежали в сейфе у Гитлера, и он их попросту не захотел читать, сказав, что меморандум его полностью устраивает...

Совещание сразу закрылось, и Канарис еще раз убедился, что сегодня единственной задачей совета было дать бой абверу. Ни с кем не прощаясь, он покинул зал и уехал к себе. Он был взбешен: болваны! Но он не мальчик, которого легко поставить в угол...

Канарис приказал секретарю переключить телефон на себя и в течение часа никого к нему не пускать. Близкие к адмиралу люди дали ему дружеское прозвище Кикер, что означает – подсматривающий. Когда он вот так, как сейчас, уединился в своем кабинете, секретарь всем посторонним говорил, что адмирала нет, а приближенным с почтительной улыбкой доверительно шептал: «Он подсматривает за собой».

Сегодняшний совет заставил адмирала вернуться к раздумьям, которым последнее время он уделял немало времени. Его занимала и тревожила мысль о том, как будет выглядеть абвер и он, Канарис, когда начнется русский поход и если, не дай бог, он развернется совсем не так успешно, как рассчитывает фюрер. Гитлер беспощадно расправляется с теми, кого он выбирает в качестве виновников неудач. Во время большой войны ссориться с генералитетом Гитлер не решится. Он будет искать виновных в другом месте, и абвер может оказаться тем самым местом, тем более что будет весьма логичным обвинить в неудачах разведку, которая-де не обеспечила доблестную германскую армию исчерпывающей информацией и заставила ее драться вслепую...

Канарис поежился. Нет, нет, покорно ждать такой ситуации он не намерен. Прежде всего нужно продумать работу абвера с того момента, как начнется поход в Россию. Надо при любых обстоятельствах застраховать себя от неприятностей...

«Подсматривание за собой» затянулось. Адмирал «отсутствовал» более двух часов. И в результате родился приказ о создании на центральном направлении фронта специального разведывательного центра под названием «Сатурн».

Собрав узкий круг руководящих работников абвера, Канарис зачитал им приказ и объяснил, чем вызвано создание «Сатурна». Разумеется, он не говорил, что «Сатурн» для абвера и для него лично – нечто вроде громоотвода на случай грозы. Цель «Сатурна» он изложил так:

– Эта начинаемая фюрером кампания – самая важная, ибо она завершает выполнение гениального плана создания великой Германии – владычицы Европы и Азии... – начал Канарис свою речь без тени пафоса, не изменяя своему обычному стилю – обо всем говорить тихо и спокойно. – Победа на Восточном фронте должна быть решена молниеносным рывком армий от Бреста до Москвы. Но не забудем, что в России мы сталкиваемся с фактором колоссальных расстояний. Это требует от нас нового построения нашей работы. Именно для этого мы вслед за бронированным кулаком армии выставляем и наш кулак. Главная цель «Сатурна», естественно, – Москва. Мы нашьпигуем большевистскую столицу разведывательной и диверси-

онной агентурой, поможем этим нашей доблестной армии, а в нужный час нанесем решающий удар в спину Кремлю... «Сатурн» – это не просто группа наших работников, приближенных к фронту. «Сатурн» – это весь наш абвер, только сконцентрированный на это время в наиболее выгодной для нас точке. В «Сатурне» в точности повторится вся наша структура. И если во главе «Сатурна» я ставлю лучших своих работников Зомбаха и Мюллера, это вовсе не означает, будто я хочу взвалить на них все дело по России. Отнюдь нет. Больше того, я им не завидую, – Канарис с улыбкой посмотрел на Зомбаха, потом на Мюллера, – да, друзья, не завидую, ибо в вас я буду видеть себя, а вы знаете, как безжалостно требователен я к себе и к своей работе. Ведь отныне и на ближайшее время слава нашего абвера будет создаваться там. Только там. – Канарис помолчал, как будто дожидаясь ответа, и продолжал: – Однако это совсем не значит, что весь «Сатурн» сможет скрыться за моей спиной. Мой выбор потому и пал на Зомбаха и Мюллера, что я знаю их как талантливых, умных, гибких и оперативных работников разведки и контрразведки. Их инициатива неистоцима, мешки с новыми и смелыми их идеями все мы не раз тащили на своих спинах... – Канарис тихо рассмеялся и подмигнул Зомбаху. – Не обижайтесь, дорогой, я говорю это, любя вас и безгранично в вас веря. И прошу вас завтра же дать мне соображения о комплектовании аппарата «Сатурна». Не стесняйтесь, берите себе лучших...

Зомбах молча кивнул головой, лицо его не выражало ни радости, ни огорчения. Не зря про него говорили, что у него лицо из камня, а глаза из стекла.

Идею создания «Сатурна» горячо поддержали начальники всех отделов абвера. О! Они прекрасно разгадали тайный смысл создания «Сатурна» и были искренне благодарны своему шефу; они понимали, что действие громотвода распространится и на них. Они называли создание «Сатурна» блестящим ходом в стиле стратегии и тактики самого фюрера.

Но не таков был Пауль Зомбах, уже давно славящийся своим холодным аналитическим умом. Он совсем не торопился восторженно говорить о порученном ему новом детище абвера. Зомбах был одним из наиболее доверенных людей Канариса, искренне преклонялся перед его умом и талантом, и поэтому, если он и понимал, что за созданием «Сатурна» кроется хитрость, он рассуждал так: «Если Вильгельму это надо, я обязан это взять на себя...» Единственное, что его сейчас обижало, – это то, что Канарис не поговорил с ним об этом предварительно.

Поблагодарив за доверие, Зомбах заговорил языком далеко видящего практика, для которого любое новое дело сразу же представляется в реальном своем виде.

– Что касается наших профессиональных кадров, – сказал он, – то я еще сегодня представлю список необходимых мне сотрудников. Но меня тревожит проблема агентуры, которую мы должны будем засылать в советский тыл. Я и до этого, как вы знаете, занимался этим делом. Положение здесь у нас не из лучших. Агенты русской национальности, которыми мы располагаем в данный момент, представляют собой нечто вроде пассажиров Ноева ковчега, и вдобавок нет никакой возможности установить, какая пара чистая, а какая – нечистая. Агенты из среды старой русской эмиграции и из молодого ее поколения – это трусливый, развращенный Европой сброд. За деньги готовы на все, а умения – ноль. Кроме того, они не знают современной России. То, что мы получили от Маннергейма из контингента пленных Финско-русской войны, – товар более хороший, но его мало. Это означает, что главное, решающее поступление этих кадров следует связывать с началом кампании, когда у нас появятся пленные и коренные русские. Армия должна получить авторитетнейший приказ о работе на нас в этом направлении. Значение дела столь огромно, что я нахожу желательным вмешательство самого фюрера.

Канарис слушал Зомбаха, прикрыв глаза чуть вспухшими веками. Конечно же Зомбах правильно ухватился за главное и самое трудное. Но чем он мог здесь помочь ему? Гитлер, когда он попытался разъяснить ему эту проблему, или ничего не понял, или не захотел этим делом заниматься. Таким образом, вмешательство Гитлера, о котором мечтал Зомбах, исключалось. Приказ подпишет армейское начальство, напишут его с кучей оговорок, и неповоротливая военная машина будет выполнять его спустя рукава. Однако другого выхода нет...

Но полковник Зомбах говорил не только о кадрах. Он стал выкладывать свои критические соображения и по другим не менее важным вопросам. Канарис почувствовал, что выступление полковника может косвенно дискредитировать самую идею создания «Сатурна», и закрыл совещание, сказав Зомбаху, что все остальные вопросы будут им решены в оперативном порядке.

Они остались вдвоем, сели в кресла и молча смотрели друг другу в глаза. Для обоих это молчание было и красноречивым и взаимопонятным. Если не считать того, что Зомбаху не было по силам ни раньше, ни теперь разгадать темную душу своего шефа.

– Поговорить с вами предварительно у меня не было минуты, – тихо сказал Канарис.

– С Мюллером говорили? – спросил Зомбах.

– Нет. Кстати, следует объяснить, почему я его назначил. При всем том, что нам о нем известно, у него все же есть и достоинства. Он умен, цепок, любит нашу работу. А то, что вторым работником «Сатурна» я сделал человека, пришедшего к нам из дебрей Гимmlера, тактически необходимо. Ревность Гимmlера к нашему абверу прямо пропорциональна нашим успехам. Так пусть в наших успехах участвует его человек.

– Он что, до сих пор их человек? – удивился Зомбах. – Он же работает с нами уже несколько лет.

– Из гестапо никто не может уйти совсем, – улыбнулся Канарис.

– Тогда на какого черта мне эти глаза и уши Гимmlера? – разозлился Зомбах.

– Чтобы вы делали поменьше ошибок, радующих Гимmlера, – продолжая улыбаться, ответил Канарис. – Кроме того, Мюллер – большой специалист по диверсиям, и в этом качестве он хорошо дополнит вас, поэта разведки. Разговаривая со мной в отношении Москвы, Гитлер особенно нажимал на диверсионную деятельность. Помните это всегда...

Некоторое время они молчали. Потом Зомбах спросил:

– Фюрер подпишет приказ о работе армии для нас?

– Нет. Он этой проблемой попросту не хочет заниматься. Не беспокойтесь, за этой стороной дела я буду следить сам. И вообще мое заявление, что я всегда буду рядом с вами, – это не слова.

Глава 4

Самолет взлетал в абсолютной темноте душной летней ночи. Когда он стал делать разбег, на каких-нибудь десять – пятнадцать секунд вдоль взлетной полосы зажглись оградительные багровые огоньки. В момент отрыва самолета от земли огоньки погасли, и с ними исчезло всякое ощущение полета. Внизу была глухо затемненная Москва, сверху – черное небо. И только когда самолет, круто набирая высоту, пробил два слоя облаков, вверху засветились редкие бледные звезды. Рудин смотрел на них, прижавшись лицом к стеклу. Тусклая лампочка над дверью в кабину летчиков чуть освещала внутренность самолета. Смутными белыми пятнами виделись лица только тех, кто находился ближе к двери. Кравцов сидел, привалившись спиной к парашюту, и, закинув вверх голову, как будто спал. Его круглое, обычно добродушное и простецкое лицо сейчас было сердитым и напряженным. Если он спал, то видел явно неприятный сон. Рядом с ним, зажав руки между колен и подавшись вперед всем телом, сидела Галя Громова. Ее отсутствующий взгляд был устремлен в пол самолета. Губы ее шевелились. Она тренировалась по кодам. Сидевший напротив нее Савушкин смотрел на нее с улыбкой: вот дотошная дивчина, даже в самолете зубрит свои коды! Сидевший в хвосте самолета Добрынин с интересом рассматривал крепления своего парашюта.

Марков в это время находился в кабине летчиков. Привалившись нагрудным парашютом к спинке пилотского кресла, он через плечо летчика смотрел на карту, расстеленную на коленях штурмана. Зеленую курчавину Лиговинских болот он так часто и подолгу рассматривал на разных картах, что она всегда стояла у него перед глазами. По силуэту болото было похоже на Апеннинский полуостров. Возле этого болота они и спрыгнут. Там их должны ждать возглавляемые старшиной Будницким бойцы из воинской части НКВД, сброшенные несколько дней назад...

Ни в одной дислокации партизанских сил Лиговинские болота не значились, хотя они представляли собой довольно удобное место для партизанской базы, во всяком случае, летом. Болотный массив, заросший густым кустарником, тянулся в длину почти на пятнадцать километров и в ширину – на шесть. В центре массива находился маленький островок сухой земли, добраться до которого, не зная опасных охотничьих троп, было невозможно. Недаром в округе это болото прозвали лешачьим морем. Забретет сюда отбившаяся от стада корова – и пиши пропало. Рассказывали, что в зыбкой трясине болота погибали и люди.

- Что будем делать, если не увидим костров? – прокричал Марков летчику.
- Уйдем обратно, – крикнул летчик и добавил: – Увидим!
- Приближаемся к фронту! – штурман показал вперед и вниз.

Марков выпрямился и увидел глубоко-глубоко внизу багровые вспышки. Справа кучкой огня виднелся большой пожар. Вдруг все там, внизу, исчезло. Марков вопросительно посмотрел на штурмана.

- Слава богу, опять облачность! – прокричал штурман, улыбаясь.

Прошел еще час полета, и летчик показал Маркову на карту.

– Порядок! Впереди слева костры! – крикнул летчик. – Идите готовьтесь, я пошел на круг...

Бортмеханик снял дверь с петель, и вся оперативная группа выстроилась в очередь у дверного отверстия. Первой у черной свистящей дыры стояла Галя Громова. Марков приказал ей прыгать первой не только потому, что она лучше всех знала парашютное дело; он считал, что пример девушки хорошо подействует на всех остальных. Сам он прыгнет последним, а затем люди экипажа самолета сбросят груз.

Зажглась и быстро-быстро замигала сигнальная лампочка.

- Пошли! – крикнул Марков и махнул рукой сверху вниз.

Галя шагнула в черную дыру. За ней – Савушкин, Кравцов, Рудин, Добрынин.

Марков несколько задержал раскрытие парашюта, рассчитывая, что это поможет ему оказаться ближе к своим людям, но, когда парашют раскрылся и он огляделся, оказалось, что он опускается значительно правее костров. Он знал, что в районе приземления по предболотью разбросаны жерди и ветви кустарника на тот случай, если парашютист попадет в места, где есть опасная трясына. Все же мысль о том, что он может оказаться в болоте, встревожила Маркова. Но расчет летчиков оказался верным, и вскоре Марков заметил, что его относит все левее и левее – прямо к кострам. Еще левей себя он увидел силуэты двух парашютных куполов. Костры были уже совсем близко. В отсвете одного из них Марков увидел пробежавшего человека. «Внимание, земля!» – приказал себе Марков и, как исправный парашютист-новичок, соединил ноги и чуть согнул их для того, чтобы удар о землю был пружинным.

Ноги Маркова выше колен вонзились в мягкую землю.

Согласно инструкции он завалился на бок, и это чуть не обошлось ему очень дорого, он мог сломать обе ноги – таким вязким и цепким было болото. Его спасло только то, что одновременно парашют протащило вперед порывом ветра и он выдернул Маркова из болота.

Отцепив парашют, Марков вынул из кармана фонарик с зеленым стеклом, зажег и начал размахивать им над головой. Перед ним точно из-под земли вырос низкорослый коренастый человек в кепке, нахлобученной козырьком назад. Это был Будницкий – командир группы сброшенных ранее бойцов. Вскоре подбежали еще несколько человек. Как и участники группы Маркова, все они были в штатской одежде.

– Потушить костры! – приказал Марков. Будницкий побежал выполнять приказание, а Марков, осторожно нащупывая ногами землю, пошел за ним на звучащие в темноте голоса. Вскоре он наткнулся на Рудина, который сидел возле куста и складывал парашют.

– Как дела? – тихо спросил у него Марков.

– Отлично! – весело отозвался Рудин.

– Где остальные?

– Да тут где-нибудь. Кравцов шел левее меня.

Опять словно из-под земли вынырнул Будницкий.

– Костры потушены, – доложил он. – Двое ваших товарищей вон там, с моими людьми.

– А еще один?

– Ищем. Груз уже найден.

Будницкий исчез.

К Маркову подошли Савушкин и Добрынин. Минут через десять объявился Кравцов. Не было только Гали Громовой. Ее обнаружили только перед самым рассветом...

Прыгнув первой, Галя решила сделать большую затяжку, чтобы оказаться значительно ниже своих товарищей и наблюдать за их снижением. Из-за этого она приземлилась довольно далеко от костров и попала в глубокий бочаг. Вода по грудь, ноги завязли в вязком илистом дне. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не предусмотрительный Будницкий. Его люди и в этот бочаг бросили жердину. С ее помощью Галя выбралась из ямы, но сама идти искать товарищей не решилась: сидела около ямы и ждала.

Ее нашли солдаты Будницкого. Так как они были в штатском и Галя их не знала, она, услышав их голоса, спряталась в куст ольшаника и долго оттуда наблюдала за ними, пока не убедилась, что это свои.

Подойдя к Маркову, Галя отрапортовала:

– Радист Громова явилась на место сбора группы.

– Что случилось? – строго спросил Марков.

– Проявила ненужную инициативу, сделала большую затяжку, чтобы лучше видеть снижение товарищей; приземлилась далеко от расчетного места и угодила в яму.

– Так... – тихо произнес Марков, не зная, ругать или хвалить девушку. Но тут он разглядел, что вся одежда на Гале мокрая, и принялся совсем по-домашнему отчитывать ее: – Как же это вы, честное слово! Ведь можете простудиться, слечь! Шевелитесь, что ли, бегайте, чтобы не застыть. Надо скорей идти.

Группа шла к острову цепочкой. Впереди – Будницкий, за ним – Марков. Замыкали шествие солдаты, которые тащили сделанную из еловых веток волокушу с нагруженным на нее снаряжением.

– Вот и наш остров, – сказал Будницкий.

Все остановились и с удивлением обнаружили, что под ногами у них действительно твердая, хотя и не совсем сухая земля.

– Зимой тут будет довольно голо, – оглядевшись, сказал Марков.

– Мы тоже думали об этом, – согласился Будницкий и, показав рукой вперед, добавил: – Вот там, километрах в семи, есть лесок. Грунт там, правда, влажный, но я рассчитываю, что к зиме, когда земля подмерзнет, мы там подготовим базу.

– Посмотрим. Где землянки?

– Главная – перед вами, – ответил Будницкий, лукаво смотря на Маркова.

Только приглядевшись, Марков заметил, что под густой кустарник в глубь земли уходят ступени.

Просто непонятно было, как Будницкий и его люди за такой короткий срок смогли построить эту подземную трехкомнатную квартиру! В узком коридоре справа и слева были входы в просторную главную штабную землянку и в две поменьше, оборудованные для жилья. Для радистки в главной землянке был сделан специальный закуток, задернутый плащ-палаткой. Кроме общего выхода каждое помещение имело свой выход на поверхность.

Осматривая это добротное и прочно сделанное подземное жилье, Марков понимал, чего стоила людям Будницкого эта работа, и хотел его поблагодарить, но комендант острова уже исчез. Выйдя на поверхность, Марков увидел его, одиноко стоящего на полянке. Склонив голову набок, он перочинным ножичком обстругивал палку. Уже поднявшееся солнце освещало его лицо, серое от усталости. Услышав шаги Маркова, Будницкий вздрогнул, обернулся, отшвырнул палочку и сделал привычное движение, чтобы одернуть гимнастерку, но вместо военной формы на нем был тесный пиджачок и кепка козырьком назад. Быстрым движением он перевернул кепку и смущенно улыбнулся.

– Хочу сказать вам спасибо за вашу отличную работу, – сказал Марков. Сжимая руку коменданта, он почувствовал, что его ладонь в горбылях мозолей. – Я знаю, как нелегко было сделать эти землянки, да еще так быстро. Спасибо.

– Да это ж мои бойцы, товарищ подполковник. Орлы!

– Всем им передайте мою благодарность.

– Есть передать благодарность! – Будницкий метнул руку к козырьку, но, вспомнив, что на голове у него кепка, сделал какое-то неопределенное движение рукой и вдруг сердито сказал: – Не могу, товарищ подполковник, к форме этой привыкнуть.

– Ничего, привыкнете... – улыбнулся Марков и вспомнил, как, характеризуя Будницкого, его командир сказал: «Он из тех, кто из двух палок может мост построить и одной пулей семерых убить».

– Я вот стою сейчас и думаю... – между тем заговорил Будницкий, чуть окая по-владимирски. – С одной стороны, красота тут какая, а с другой, вы правы, зимой произойдет полное оголение местности, или, точнее сказать, демаскировка. А вдруг там, в леске, на глубине залегания землянок почвенная вода зимой не промерзает?

– Ладно, не ломайте пока над этим голову, – сказал Марков. – Обживемся, а потом вместе решим, как поступить.

– Но и оттягивать не дело, товарищ подполковник. Сани надо готовить летом.

- Обдумаем это немного погодя. Вас тут никто не беспокоил?
- Только комары, товарищ подполковник, – засмеялся Будницкий. – Ну до того лютые, прямо гестаповцы, а не насекомые! Из-за них мы работали только днем и ночью.
- А отдыхали когда?
- А как комары на работу выйдут, мы под кусты и спать.
- Люди здоровы?
- Чего им делается? Тут же не война, а санаторий.
- А где вы живете?
- Мы по краю острова отрыли восемь блиндажиков из расчета на четыре человека каждый. Так сказать, и жилье и ближняя круговая оборона.
- Когда же вы все это успели?
- Приказ, товарищ подполковник.
- Дайте своим людям трое суток полного отдыха и сами тоже отдохните как следует.
- Будницкий молчал.
- Вы слышали, что я сказал? – строго спросил Марков.
- Слышал, товарищ подполковник, – скучным голосом ответил Будницкий. – А только сегодня половина моих бойцов тропы зубрит. – Увидев на лице Маркова недоумение, комендант пояснил: – Они с проводником заучивают все подходы к острову. Между прочим, мои бойцы все спрашивают, когда на операции пойдем.
- Придет срок – пойдете, – сухо ответил Марков, сердясь на себя за то, что не может найти правильный тон разговора с комендантом.
- Нам ведь теперь вроде и делать нечего, а кругом – война, – продолжал Будницкий.
- Всем дела хватит, комендант, еще чуру запросите. А пока все же отдохайте, комендант, – засмеялся Марков и пошел к землянке...

Глава 5

Начали действовать бойцы Будницкого. Нагрузившись взрывчаткой, они группами уходили с базы на несколько дней, а иногда и на целую неделю. Цель этих рейдов – дальняя разведка местности и диверсии, отвлекающие и дезориентирующие противника. В группу входили два-три подрывника, остальные бойцы прикрывали их во время диверсий. Уход с базы и возвращение планировались так, чтобы гитлеровцам абсолютно не было понятно, откуда эти люди появляются и куда исчезают. За этой особенностью операций Будницкий следил с беспощадной требовательностью и каждый раз придумывал хитрейшие схемы передвижения своих групп. Он с самого начала показал себя незаурядным, врожденным, что ли, тактиком борьбы в тылу врага. У него невесть откуда появилась толстая бухгалтерская книга, в которую записывались все боевые дела: взорванные мосты, пущенные под откос эшелоны, уничтоженные гитлеровцы. И особо: как был проведен уход с базы и возвращение. Возвращавшихся после операции бойцов, несмотря на то, что это происходило, как правило, ночью, встречало все население острова. Расспросам и рассказам не было конца. И конечно же в рассказах бойцов частенько факты приукрашивались воображением. Но Будницкий этому не мешал. Он считал, что на первых порах такие, как он говорил, «вольные рапорты» даже полезны: слушая их, люди убеждались, что враг не так страшен, как сначала казалось. Однако, дав своим бойцам высказаться, Будницкий звал к себе старшего по группе и, раскрыв перед ним свой грессбук, говорил:

– Теперь запиши точно и без всякого трёпа...

Начали разведку обстановки и люди из группы Маркова.

Первым в такую разведку отправился Савушкин. Вместе с тремя бойцами Будницкого он покинул базу перед вечером. За ночь они сделали почти тридцать километров и к утру вышли к железной дороге. По ту сторону дороги виднелся большой поселок, тянувшийся вдоль берега реки. Бойцы остались у дороги, а Савушкин направился в поселок. Он шел в открытую, хотя в кармане у него был документ не очень-то надежный, – это была рукописная справка, свидетельствующая, что обладатель ее работает санитаром при немецком госпитале в Барановичах и отпущен на десять дней для розыска семьи.

Савушкин шел не торопясь, успевая заметить все: и одинокую фигуру женщины, рывшейся в земле на картофельном поле, и ребятишек, бегавших возле разрушенной церкви, и сутулого мужчину, перешедшего от дома к дому на окраине поселка, и даже жаворонка, висевшего над нескошенным лугом.

На окраине поселка Савушкин пучком травы обстоятельно обтер сапоги, выколотил о колено пыль из кепки и только тогда вошел на пустынную улицу. Мужчина, несколько раньше перешедший от дома к дому, стоял в тени дерева и смотрел на Савушкина. Поравнявшись с ним, Савушкин пошел прямо к нему.

– Здорово, земляк! – приветливо сказал он.

– Здравствуйте, – осторожно ответил мужчина, смотря на Савушкина.

– Не скажешь ли мне, часом, много у вас тут осело народу из тех, что от войны бежали?

– Не считал, – угрюмо ответил мужчина.

– Мне не счет нужен, – печально и укоризненно сказал Савушкин. – Я свою родню разыскиваю.

– А другой заботы, как искать ветра в поле, у тебя нет?

– Жена пропала, двое ребятишек... понимать надо, – тоскливо сказал Савушкин. – В начале войны они снялись из-под Минска, по моему разумению, дальше этих мест они уйти не могли.

– Жена пропала... – повторил мужчина. – У людей все пропало, и то не ищут.

Они молчали.

– Немцы-то в поселке есть? – небрежно спросил Савушкин.

– Чистых немцев нет, а холуев ихних сколько хочешь. Вон легок на помине. – Мужчина показал на высокого усатого богатыря, вышедшего на крыльцо соседнего дома. – Наш старший полицей господин Ферапонтов.

– Он-то небось знает всех, кто у вас осел? – спросил Савушкин.

– Этот все знает, – усмехнулся мужчина.

Савушкин направился к полицейу, продолжавшему стоять на высоком крыльце. Но вот он повернулся и перевел взгляд на приближавшегося к нему Савушкина.

– Здравствуйте! – еще издали громко и подобострастно произнес Савушкин.

– Ну, ну, а что дальше? – спросил Ферапонтов и положил руку на кобурю нагана.

Савушкин рассказал, что привело его в поселок.

– Бумага у тебя есть? – низким, басовитым голосом спросил Ферапонтов.

– А как же, вот! – Савушкин протянул ему свою справку.

Ферапонтов внимательно ее прочитал, сложил и отдал.

– Зайди в хату, – сказал он и, посторонясь, пропустил Савушкина мимо себя.

Они сели к столу. Больше никого в просторной светлой хате не было. Очевидно, вечером здесь происходила попойка: на полу и на лавках валялись пустые бутылки, на столе на смятой немецкой газете – остатки еды. От Ферапонтова несло кислым перегаром.

– Тэк-с... – сказал он, положив на стол узловатые руки с черными ногтями. – Так ты, значит, прешь от самых Барановичей?

– Ну да! Где пешком, где подвезут. – Савушкин помолчал и добавил со вздохом: – Ребя-тишек жалко.

Ферапонтов хмыкнул.

– Жалость теперь не в моде. А только с двумя ребятишками у нас никого нет. Это я тебе официально говорю, я тут каждую собаку знаю, а собаки знают меня, – Ферапонтов рассмеялся, и Савушкин понял, что он пьяный: или с ночи не протрезвился, или опохмелился недавно. – А у тебя ряшка гладкая, при госпитале, видать, жить можно, – продолжал Ферапонтов добродушно.

– На харчи жаловаться нельзя. Потому я и семью стал разыскивать. Мог бы легко ее прокормить, а это теперь самое главное.

– А деньги платят?

– Какие деньги? Да и на кой они мне, что на них купишь? – жалостно сказал Савушкин, а Ферапонтов продолжал басовито:

– Как поглядишь – прижимистый народ эти фрицы, копейки человеку зря не заплатят. Нам, полицейам, положили жалованье – смех один. И прямо объяснили: у вас, мол, есть много возможностей для заработка. Понял, куда указуют? Ну, мы, конечно, и не теряемся. Я вот домину себе отхватил. Тут, брат, жил сам председатель исполкома. Пожил, и хватит, дай другим пожить... – Он снова рассмеялся. – Ну а как в ваших краях, спокойно?

– А какое же может быть беспокойство? Немцев набито там, как сельдей в бочке. Одних госпиталей в Барановичах четыре штуки, потом штабы всякие, канцелярии. Каждый день в саду музыка играет, кино крутят.

– Вон как! – удивленно сказал Ферапонтов и доверительно наклонился к Савушкину. – А у нас тут начинают кино крутить партизаны, понял?

– У нас не слышно, – в тон ему сказал Савушкин.

– А у нас, брат, и слышно и видно. – Он еще ближе придвинулся к Савушкину и обдал его таким ядреным перегаром, что противно стало дышать. А полицей, как видно, находился в том состоянии опьянения, когда ему требовался слушатель для его пьяных разглагольствований. Ну что ж, лучшего слушателя, чем Савушкин, ему не найти. Ферапонтов положил свою тяжелую лапу на плечо Савушкина и продолжал: – Да... Третьего дня мост на шоссе начисто снесли. Давеча эшелон с бензоцистернами опрокинули и зажгли. Во кино было! За десять

верст видно. Ну и народ сразу, точно его подменили. Вчера вечером у одной вдовицы телка забирали, так она такие угрозы начала орать, что пришлось ее приложить к земле-матушке. Или вот сосед мой, Малахов, ты к нему, я видел, подходил. Он же спит и во сне на меня зубами щелкает. Мы у него и мотоцикл забрали и мебелишку вытряхнули. А главное, он тут при славе состоял, вкалывал по-стахановски на дороге. А теперь нуль с палочкой. Оттого у него и злость. Ну, ничего, ничего, или он смирится, или фрицы до него доберутся.

– В этом роде у нас работа почище, – шепотом, тоже доверительно сказал ему Савушкин. – В госпитале добра своим не делаешь, но и зла им тоже не творишь.

– Какие они мне свои? – вдруг вскипел Ферапонтов. – Я через этих своих два раза небо через решетку разглядывал. Что мне, за это добром им платить, что ли? – выкрикнул он и сразу сник, запустил руку куда-то под лавку и, как фокусник, вытащил оттуда бутылку водки. – Не хочешь?

– Как не хотеть... – улыбнулся Савушкин, разглядывая бутылку. – Смотри, московская! С начала войны не видел.

– Ее не глядеть надо, – сказал Ферапонтов, наливая водку в захватанный руками граненый стакан. – Пей, я уже опохмелился.

Савушкин выпил, закусил огрызком сала и подумал, что он первый раз в жизни выдул сразу почти целый стакан водки. По телу разливалось тепло, в голове зашумело.

– Нелегко с отвычки, – сказал он, виновато улыбаясь, и взял со стола еще кусок сала и ломоть хлеба.

– Вообще с этих мест лучше подаваться туда, к вам, от фронта подальше, – говорил Ферапонтов. – Значит, у вас там, говоришь, спокойно?

– Вполне.

– Вот погляжу, как дальше будет, и, если увижу, что фрицы порядок сделать не могут, подамся до ваших мест. Поможешь с работой?

– А чего ж не помочь по-земляцки?

– Где там искать тебя?

– Спросишь госпиталь номер три, и все. А там меня всякий знает. Спроси Егора, и сразу укажут. Ну, спасибо за приют и угощение. Пойду дальше искать. – Савушкин встал.

– Иди, коли хочешь, а только зазря ноги нагружаешь. Разве ж можно сообразить, куда твоих забросило в этом коловороте? – Ферапонтов поднялся и протянул Савушкину свою ручищу. – Но раз надумал – иди...

– Пройду за Борисов немного и ворочусь, – сказал Савушкин. – До свидания, коли не шутил про переезд.

– Тут, брат, не до шуток... – запустив руку в кудлатые волосы, мрачно сказал Ферапонтов. – Фрицы хитрюги, дорогу они берегут, а мы – берегись как хочешь. А нас-то, полицаев, трое на весь поселок. Вот и соображай, какие тут могут случиться штуки...

Савушкин вышел из поселка и зашагал обратно к железной дороге. «Можно было без шума прикончить гада», – подумал он. Но приказ Маркова безоговорочно запрещал подобные действия.

Перейдя через полотно, Савушкин вскоре сошел с дороги и углубился в кусты, где его ждали бойцы сопровождения. Ночью они вернулись на базу...

Марков внимательно слушал рассказ Савушкина об этой первой разведке. Все казалось важным. И то, что в деревне нет немцев, и то, что полицай Ферапонтов уже трусит. И то, что поблизости начал действовать какой-то партизанский отряд, а явно патриотически настроенный железнодорожник почему-то сидит в деревне. Все это может пригодиться...

У Маркова накапливалось все больше безотлагательных вопросов к секретарю подпольного обкома партии товарищу Алексею, но встреча с ним откладывалась и откладывалась. И хотя Марков прекрасно понимал всю сложность организации встречи, но нервничал...

Глубокой ночью Маркова разбудил Будницкий:

– ЧП, товарищ подполковник! Крупное нарушение дисциплины и режима секретности! – тревожно проговорил Будницкий и показал на стоявшего возле двери старшину Ольховикова – парня богатырского роста, про которого бойцы говорили, что он добрый, что телок-несмышлениш, а здоров, как бык в соку.

– Что там у вас? – Марков встал и прошел к сколоченному из досок столу.

– Старшина Ольховиков, доложите, – напряженным голосом приказал Будницкий и сам отошел в сторону.

Ольховиков переступил с ноги на ногу, потом сделал шаг вперед и вытянулся, почти упершись головой в потолок землянки. В это время Марков зажег лампу и увидел, что все левое плечо старшины в крови.

– Вы ранены? – спросил Марков.

– То кровь не моя, – прогудел Ольховиков. – То кровь...

– Докладывайте по порядку, как положено! – прервал его Будницкий.

Ольховиков глянул в потолок и заговорил мягким баском:

– Значит, так. Во время дальнего рейда подобрали мы раненого мальчонку. Колей звать. Тезка, значит, мне...

– Отставить ненужные подробности! – крикнул Будницкий.

– Есть отставить ненужные подробности, – как тихое эхо, повторил Ольховиков. – Ну, значит, подобрали того мальчонку и доставили на базу. Сюда, значит, – он умолк, преданно и вопросительно смотря на своего командира.

– Вы что, забыли, какой у нас режим? – строго спросил Марков.

Ольховиков пошевелил своими могучими плечами.

– Почему забыл?

– Товарищ подполковник, пусть он все доложит, как было, – сказал Будницкий. – Доложи, Ольховиков, при каких обстоятельствах ты дошел до своего преступного легкомыслия.

– Значит, так... – Ольховиков посопел, глядя в потолок, и продолжал: – За городом Гомелем подорвали мы бензосклад. И согласно схеме пошли до дому. Первый день переждали в лесу. В ночь опять же шли. Видим, горит деревня. Подошли поближе. Картина ясная – каратели побывали. Вокруг трупы раскиданы. Женщины, между прочим, и старики. И ни тебе живой души. А дома горят. Ну, значит, мы постояли, попечалились и пошли дальше согласно схеме. Только отошли от горящей деревни шагов на триста, глядим, метнулось что-то с дороги. Алексеенко враз туда и вытаскивает мальчонку. Рука у него простреленная вот сюда, – Ольховиков показал на кисть своей огромной ручки. – Ну, куда его деть? Бросить? Все мои бойцы молчат и на меня глядят. И я же вижу, как они глядят. И сам я что, изверг какой? Вот мы того мальчонку и взяли... – Ольховиков помолчал и добавил: – Смешленный. Лет тринадцать ему. Из города, между прочим.

Будницкий, который все время норовил врезаться в рассказ старшины, крикнул:

– Ты про режим скажи! Что ты об этом думаешь?

– Скажу... – Ольховиков снова глянул в потолок. – А что он, этот пацаненок, делает вредного нашему режиму? А такой паренек может и сгодиться в дело. Для разведки, к примеру.

– Он передвигаться может? – спросил Марков.

– А чего ж? – улыбнулся Ольховиков. – У него ж только рука раненая.

– Приведите его сюда, – приказал Марков.

Ольховиков с неожиданным проворством исчез за дверью. Будницкий выжидательно молчал, поглядывая на Маркова.

Ольховиков привел худого, тоненького мальчика. Держа у груди забинтованную руку, он угрюмо смотрел на Маркова.

– Как тебя зовут? – спросил Марков.

– Коля, – чуть слышно ответил мальчик и, сделав глотательное движение, повторил громче: – Коля, фамилия – Куканов. Я из Гомеля, а с войны жил в деревне, у тетки.

– Кто твои родители?

– Мама – врач, а отец – танкист.

– Где они?

– Как где? Воюют, наверно. Тетя Даша ходила в город, так там и дома нашего нет.

– Что ж теперь, тетя Даша хватится тебя?

– Не хватится, – тихо ответил Коля.

– Она, товарищ подполковник, убитая, – пояснил Ольховиков. – И ее дочка тоже. И все это у него на глазах.

– Товарищ начальник, оставьте меня здесь, я пригожусь, честное слово, пригожусь. Я рисовать умею, я все буду делать, – быстро проговорил Коля то, чему его явно научил Ольховиков.

– Ладно, подумаем, – сказал Марков и обернулся к Будницкому: – Определите его.

– Он у меня будет, – обеспокоенно прогудел Ольховиков.

– С вами разговор будет особо, – сухо, но совсем не строго сказал Марков.

Вот так и появился на базе Коля Куканов.

Глава 6

Наконец пришла долгожданная радиограмма из Москвы. Комиссар госбезопасности Старков сообщал о месте и времени встречи Маркова с секретарем подпольного обкома товарищем Алексеем. Она должна состояться в ближайшую субботу, в двадцать два часа, в селе Набережном, в доме священника.

В пятницу вечером Марков отправил туда Кравцова и двух бойцов из отряда Будницкого. Они должны были разведать обстановку в селе, а затем охранять место встречи. Сам Марков прибудет туда точно к назначенному времени.

Кравцов с двумя бойцами покинули остров ночью. На рассвете они вышли к автобазе имени Будницкого – так называли землянку на окраине болота, где хранились пять велосипедов, добытых по приказу Будницкого его бойцами. Этот, как его называл Будницкий, ножной транспорт позволял его группе совершать все более дальние рейды.

Кравцов и сопровождавшие его бойцы поехали на велосипедах проселочной дорогой, петлявшей вдоль реки и уходившей к горизонту, где чернел лес. Село Набережное находилось за лесом, и до него было не меньше двадцати километров.

Осень чувствовалась во всем. Низкие грязные облака закрывали небо. Давно пожухли листья кустарника. Несжатое ржаное поле стало бурого цвета, от него веяло прелью. Скворцы стремительными стаями перелетали с места на место, готовясь к дальнему путешествию в теплые края. Река была свинцового цвета, ее рябил холодный ветер. На заросшем травой проселке велосипеды противно скользили, увязали в наполненной водой колее.

Впереди ехал Кравцов. Его круглое добродушное лицо раскраснелось. Нажимая на скрипучие педали велосипеда, он с досадой думал, что зря послушался Будницкого и надел под пиджак телогрейку. Теперь ему было жарко, а засунутый за пояс пистолет больно упирался в ребра.

Чтобы отвлечься от всего этого, он стал слушать разговор ехавших позади него бойцов.

– Смотри влево на одинокое дерево. Чуть правей дерева – человек или что?

– Я уже давно смотрю, – отозвался другой голос. – Не шевелится, вроде пень.

Кравцов тоже стал смотреть туда. То, о чем говорили бойцы, было похоже на сидящего под деревом человека. Всю дорогу до самого леса они посматривали туда и пришли к выводу, что это все-таки пень: за все время силуэт ни разу не шевельнулся.

В лесу дорога была настолько расквашена, что найти на ней даже узкую сухую полосу для велосипеда было невозможно. Машины спрятали в лесу и дальше пошли пешком.

К селу Набережному приблизились в середине дня. Укрывшись в кустарнике на взгорке, они стали наблюдать за тем, что делалось на единственной улице села, которая отсюда была им хорошо видна. Село казалось вымершим. Только над прижавшимся к церкви домиком, на старой одинокой березе, тоже, очевидно, собираясь на юг, беспокойно горланили грачи.

Но вот из крайней хаты вышла женщина, по самые глаза повязанная черным платком. Она остановилась у калитки, посмотрела в хмурое небо, потом – по сторонам и вернулась во двор. Спустя немного из калитки вышел мальчуган, он тоже постоял, посмотрел по сторонам, а потом медленно пошел по улице к центру села. Возле церкви точно сквозь землю провалился. Кравцов видел, как он зашел за куст сирени и там точно растаял. Однако спустя немного времени мальчик появился по другую сторону церковной ограды и пошел дальше по улице, почти до самого ее конца, где он зашел в покосившуюся хату, окна которой были забиты досками.

«Пожалуй, неспроста гуляет этот паренек», – подумал Кравцов. Один из бойцов точно услышал его мысль и тихо сказал:

– Сдается мне, что малец просматривает село.

– Я тоже так думаю, – согласился Кравцов.

Прошел еще час, а может быть, и больше, и все это время село казалось вымершим. Где-то за тучами солнце скатывалось к горизонту, и его движение угадывалось только по тому, как темнело небо на востоке.

– Слышь, мотор! – быстро проговорил один из бойцов.

Кравцов тоже слышал отдаленный, но постепенно приближающийся рокот.

В село въехал мощный трехосный грузовик, в железном кузове которого сидело не менее полусотни немецких солдат. В середине села грузовик остановился, из шоферской кабины вылез офицер в черной эсэсовской шинели. Минут пять он стоял возле машины, точно ждал кого-то. Потом сказал что-то солдатам и быстро залез в кабину. Солдаты встали, подняли автоматы, и тишину разорвала бешеная стрельба. Грузовик медленно поехал дальше, солдаты продолжали стрелять. Их мишенью были крестьянские хаты. Со звоном вылетали стекла из окон. Загорелась соломенная крыша на одной из хат. Грузовик выехал из села и, прибавив скорость, помчался к горизонту. В наступившей тишине слышался только треск разгоравшегося пожара. Но на улице, как и прежде, ни души. Кравцов услышал рядом непонятный звук, повернулся. Это скрипел зубами лежавший рядом с ним боец, от гнева лицо его было серым, побелевшими руками он сжимал винтовку.

– Еле удержался, – хрипло произнес он, виновато улыбнулся и, сдвинув кепку на затылок, рукавом стер выступившую на лбу испарину. – Вот ироды!..

Кравцов не знал, что делать: продолжать наблюдение или сниматься и идти навстречу Маркову, чтобы предупредить его об опасности: ведь немцы могли вернуться сюда. Но он знал, как долго и трудно готовилась эта встреча. А появление здесь грузовика с немцами могло быть чистой случайностью.

Тревожные размышления Кравцова прервал быстро нараставший треск.

На дальней окраине села показался мотоцикл с коляской. На нем ехали трое мужчин в штатском. Они промчались через все село, выехали на дорогу, но вскоре свернули прямо на луг и тотчас скрылись в кустарнике. Рокот мотора вдруг оборвался. Очевидно, они там остановились.

– Похоже, что полицаи, – сказал боец, лежавший рядом с Кравцовым.

– Следить за кустами! – приказал Кравцов. Однако до самых сумерек никто из кустов так и не вышел. Кравцов послал туда на разведку одного из бойцов.

– В перестрелку не лезь, – приказал он, – только посмотри след мотоцикла. Может быть, там есть дорога? Посмотри и возвращайся, да поживей.

Боец спустился в лощинку и, укрываясь в ней, побежал к дороге. Вскоре Кравцов увидел, как он стремительно переметнулся через дорогу и исчез в кустах...

Боец вернулся запыхавшийся, весь выпачканный землей. Он рассказал, что мотоцикл стоит, прикрытый наломанным кустарником, а следы пассажиров ведут к деревне. Он прополз по следу, пока можно было, но затем след повернул на огород крайней хаты, а там все вокруг голо и за капустной кочерыжкой не спрячешься...

Кравцов встревожился не на шутку. До появления Маркова оставалось чуть больше двух часов. По плану они все трое сейчас должны были пройти в село и попроситься на ночлег в трех разных хатах поблизости от церкви, где находился поповский домик. Но кто были эти трое штатских? Больше всего это было похоже на засаду полицаев. Кто же кроме них мог ездить на мотоцикле так открыто? Неужели враг откуда-то узнал о встрече и организовал засаду?

Одного из бойцов Кравцов послал навстречу Маркову, чтобы предупредить о происшедшем.

Боец ушел. Уже заметно смеркалось. Кравцов подумал, что посланный им боец может не встретить Маркова, разминуться с ним в темноте. И тогда может случиться непоправимая беда.

Кравцов решил изменить план и действовать напролом. Первым в село пойдет боец, он направится прямо в крайнюю хату и попросится на ночлег. А спустя десять минут в ту же

хату зайдет и Кравцов. Бойцу он приказал каждую секунду быть наготове и гранату-лимонку держать в руке со снятым кольцом. Если в хате засада, бросить гранату и отходить.

Они спустились к дороге, и боец открыто пошел в село.

Кравцов присел на обочине, чтобы выждать десять минут. Он видел, как боец исчез в калитке крайней хаты...

Дверь была не заперта, и боец сразу прошел в горницу. Женщина, выходявшая днем из калитки, сидела с вязаньем возле мутного окна. Появление незваного гостя ее нисколько не удивило.

– Что тебе, родимый? – приветливо спросила она.

– Пусти переночевать... – совсем не просительно сказал тот, пристально оглядывая горницу.

– Ночуй, ночуй, родимый. Где лечь хочешь? В хате душно. Можно в пуньке, там чуть-чуть сенца есть.

– Лучше в хате, ночью сейчас уже холодно.

– Тогда сходи, родимый, в пуньку, возьми сенца и постели тут на пол.

Боец вышел во двор, осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Взяв в пуньке охапку сена, он вернулся в хату. Сбросив сено на пол, он обнаружил, что в горнице находятся двое мужчин. Один сидел за столом, другой стоял, прислонясь к печке у самой двери.

– Откуда бредешь, бездомный? – весело спросил тот, что сидел за столом.

– Пробиваюсь к себе на Смоленщину, – спокойно ответил боец, кляня себя за то, что из-за проклятого сена он снова окольцевал гранату.

– Вон как! И откуда же ты пробиваешься?

– Из-под Минска.

– А там что делал?

– В окруженцах сидел, пока можно.

– Гляди-ка!

Боец стал медленно передвигать руку к карману, где была граната.

– Еще одно движение – стреляю! – хриплым голосом крикнул тот, что стоял у печки, и боец увидел у своего виска дуло пистолета. – Спокойно, парень, ну-ка, сядь вон туда на лавку и руки положи на стол.

Боец выполнил приказ. Он решил поступить так: через несколько минут, когда в хату войдет Кравцов, он крикнет: «Засада!» – и – будь что будет! – бросит под стол гранату. Приняв это решение, он сразу успокоился.

– Мы свои карты не прячем, – тихо сказал тот, что сидел за столом. – Мы партизаны. А ты кто?

– Чего на бога-то брать? – усмехнулся боец.

– Удивляешься, что сами раскрываемся? – включился в разговор человек с хриплым голосом. – Так мы же играем без проигрыша. Если ты не гад, хорошо, а если гад, до утра не доживешь, а нам опять же выигрыш – одним гадом меньше.

Боец растерялся. В том, что сказал хриплый, была железная логика. Что же делать? Вот-вот должен войти Кравцов.

– Если вы партизаны, тогда и я партизан, – торопливо проговорил боец.

– Вон как! А нельзя без «если»? Мы-то тебе прямо сказали. И поторопись, мы тут по делу, а не театр разыгрывать.

– Ладно, я тоже партизан, – доверительно сказал боец.

– Случайно, не с острова, что в Лиговинских болотах?

– Оттуда, – подтвердил боец, видя, что эти люди и без него знают об острове.

– Пароль на сегодня знаешь?

Боец молчал. Никакого пароля он не знал.

- Кто-то еще идет, – сказала женщина.
- Это ваш? – тревожно спросил хриплый.
- Наш, и я ему сейчас дам команду бросить гранату.
- Не дури, мы здесь по случаю встречи. Понял?

Кравцов вошел в горницу и остановился в дверях, пытаясь разглядеть, кто тут есть, в темной хате.

- Кто там? – спросила женщина
- Можно у вас переночевать? – спросил Кравцов.
- Ночуй, ночуй, родимый, – с той же приветливостью сказала женщина.
- Я здесь, – услышал Кравцов голос своего бойца.

Кравцов сделал два шага вперед и остановился, сжимая в кармане гранату. Он уже видел силуэты сидевших у стола людей. В эти секунды напряженной тишины все находившиеся в хате кроме Кравцова, понимали, что сейчас может случиться беда.

– Мы из отряда «Мститель», – торопливо сказал хриплый. – Прибыли для обеспечения, возможно, известной вам встречи.

- Пароль? – с угрозой потребовал Кравцов и вынул из кармана гранату.
- Тропинка идет в гору, – сказал хриплый.

– На горе воздух чище, – произнес Кравцов ответную часть пароля и почувствовал, что ладонь, в которой он сжимал гранату, стала мокрой.

– Вы что же это, с ума посходили там у себя на острове? – со злостью спросил тот, что сидел за столом. – Тетя Аня, занавесь окна, зажги свет.

Женщина зажгла коптилку и поставила ее на стол. Сидевший за столом посмотрел на бойца, на Кравцова с гранатой в руке и нервно рассмеялся:

- Ну, история могла быть! Да спрячь ты свою игрушку... – сказал он Кравцову.

Кравцов положил гранату в карман и сел. Теперь и он понял, что могло случиться, и тяжело дышал, облокотившись на стол.

– Разве ж это работа? – укоризненно сказал сидевший за столом. – Посылаете человека без пароля, – он кивнул на бойца. – Мы же могли прихлопнуть его в два счета. А заодно и вас.

- Это мое упущение, – тихо произнес Кравцов.
- Легко сказать – упущение, – ворчливо заметил хриплый.

Теперь Кравцов разглядел его. Это был высокий худой человек лет тридцати пяти. Густые темные брови, черные глаза, рыжие усы.

– Легко сказать – упущение, – повторил он. – Свои своих могли перебить. Ну да ладно, как говорится, свадьбы не было, музыка не играла. Вы по встрече?

- Да.
- Мы тоже.
- Это вы ехали на мотоцикле? – спросил Кравцов.

– А кто же еще? Мы же оба с документами полицаев из городской команды... Так вот, встреча состоится не здесь. План изменен. Утром в ближнем лесу была какая-то перестрелка. А здесь болтается грузовик с эсэсовцами. Мало ли что... Поедем на взорванную мельницу, в пяти километрах отсюда. Товарищ Алексей уже там.

Марков подошел к селу ровно в девять. С бойцом, который был послан Кравцовым, он укрылся в кустах, а сопровождавшие его два бойца и Будницкий направились в село. Не дойдя до него, они увидели стоявшего у дороги Кравцова...

Марков решил, что с ним поедет только Будницкий. Сам он сел в коляску, а комендант устроился позади водителя. Мотоцикл взревел, сорвался с места и исчез в темноте. Кравцов и остальные бойцы будут ждать его здесь вместе с партизанами...

Не без опаски посматривал Марков на водителя: как он на такой скорости успевает разглядеть дорогу? Подлетев к мосту, мотоцикл резко затормозил и свернул влево. На мгновение

водитель зажег фару, сноп света скользнул по берегу, по засыпанной опавшими листьями реке. Теперь мотоцикл катился медленно, будто на ощупь находя дорогу вдоль реки.

Наконец машина остановилась возле какого-то приземистого строения. Водитель выключил мотор и неизвестно кому крикнул:

– Прибыли!

Марков стоял возле машины, не зная, куда ему идти. Стоявший рядом с ним Будницкий, приподняв автомат, настороженно всматривался в темноту.

– Подождите, вас проведут, – сказал водитель и добавил после паузы: – От этой езды по ночам без света с ума можно сойти...

Вынырнувший из темноты человек провел Маркова к берегу реки и фонариком осветил ступени лестницы, уходившей под большую грудку кирпичных развалин.

– Семь ступенек и дверь, – сказал он, погасив фонарик.

Открыв массивную дверь, Марков инстинктивно заслонила глаза рукой – таким ярким показался ему свет обычной керосиновой лампы. За сколоченным из ящиков столом сидели двое, они рассматривали какую-то карту. В одном из них Марков узнал секретаря подпольного обкома.

– Здравствуйте, товарищ Алексей!

– Наконец-то встретились! – товарищ Алексей тяжело поднялся с опрокинутого ведра, на котором сидел, и подошел к Маркову. – Вон вы какой. Я почему-то думал, вы постарше, – он крепко сжал руку Маркова и подвел его к столу. – Знакомьтесь, это наш человек из интересующего вас города, товарищ Завгородний, подпольное имя – товарищ Павел. Из-за него наша встреча и откладывалась. Вытащить его из города не так-то легко...

Марков поздоровался с Завгородним, и они втроем сели к столу.

Товарищ Алексей как-то по-штатски – так он, наверно, делал всегда на мирных заседаниях обкома – снял с руки часы и, положив их перед собой, сказал:

– Я думаю, начнем с того, что Завгородний расскажет вам об обстановке в городе. Давай, Павел, десять минут, не больше.

– Прежде всего, несколько сведений общего характера... – неторопливо и тоже привычно по-штатски начал Завгородний. – Созданный оккупантами гражданский аппарат управления городом – сплошная фикция. Бургомистром является бывший директор комбината бытового обслуживания. Жулик, но ловок как черт. До войны раскусить его не смогли. А когда пришли немцы, он сразу к ним. Нашлись еще предатели. Пару интеллигентов-стариков запугали – вот вам и магистрат. Ну а мы им подсунили в аппарат двух своих подпольщиков. Главная сила в городе – военная зональная комендатура во главе с подполковником Штраухом и гестапо во главе с оберштурмбаннфюрером Клейнером. Делами города занимается гестапо. В городе осталось не меньше двадцати тысяч жителей.

– Так много? – удивился Марков.

– Не так уж много, – заметил товарищ Алексей. – Ведь к войне у нас было более ста тысяч...

– Гестапо начало вербовать агентов среди населения, – продолжал Завгородний. – Пока это у них не очень ладится. Все же с десятков подлецов нашли. Но и сюда мы тоже определили своего человека, чтобы знать, куда целится Клейнер. Пока их главная цель – выловить коммунистов и актив. Аресты проводятся каждый день, две тюрьмы набиты битком. Третьего дня под тюрьму заняли еще и здание студенческого общежития. Расстрелы происходят каждую ночь. Из наших подпольщиков пока ни один не взят. В городе назревает драма с продовольствием. К зиме нет никаких запасов. Расклеены объявления о поощрении рыночной продажи продуктов. Такие же объявления отправлены во все окрестные деревни. Мы пока главным образом ведем разведку и стараемся залезть в оккупационные органы. – Завгородний помолчал, подумал и сказал: – Вот и все, пожалуй. Конечно, в самых общих чертах. Если у вас есть вопросы, давайте.

– Есть в городе какие-нибудь военные учреждения? – спросил Марков.

– Есть два госпиталя, оба переполнены. Затем довольно большой штаб инженерно-строительных войск. И, наконец, главная полевая почта центральной группы войск. В отношении того, что вас особо интересует, мы только третьего дня установили почти твердо: учреждение это действительно обосновалось в нашем городе. Они заняли несколько зданий, в том числе новую школу. Это далеко от центра. Охрана всей этой зоны очень сильная, улицы перекрыты шлагбаумами, по огородам протянута колючая проволока. Так что проникнуть туда мы не рисковали. Единственно, что мы выследили, – что в эту зону почти каждую ночь проезжает автобус; он останавливается возле школы с тыльной ее стороны. Там пустырь.

– На основании чего вы решили, что это именно то учреждение?

– Тут, значит, дело такое... – Завгородний помолчал. – Есть у нас человек, инженер Русаков, коммунист. Вот он как раз по нашему заданию и завербовался в тайные агенты гестапо. И, кажется, перестарался. Примерно неделю назад он пошел на очередную явку с гестаповцем, а его оттуда повезли в ту запретную зону. И там его часа два уговаривали пойти работать в немецкую разведку. Предложили очень высокое жалованье. Объяснили, что его забросят в советский тыл, там он должен поступить на военный завод и организовать диверсию, потом вернуться, получить большие деньги и жить припеваючи в Германии, работать, если захочет, по своей инженерской специальности. Ну, он, конечно, отказался. Сказал, что такое дело ему не по силам. Потом они его еще целый час агитировали. В конце концов инженер сказал, что подумает.

– Он должен согласиться... – сказал Марков. – А когда его забросят, пусть сразу явится в органы безопасности. Его будут ждать.

– Как же так? Человек-то он для нас очень ценный. Верно, товарищ Алексей? – заволновался Завгородний.

– Поймите, он сделает для нас огромное дело, – горячо заговорил Марков. – Он первый пройдет через аппарат «Сатурна», и мы получим от него важнейшие данные.

Завгородний молчал.

– У меня только одно сомнение... – сказал товарищ Алексей. – Справится ли он? Операция даже физически нелегкая, а ему уже далеко за сорок.

– Не в этом дело! Он здоров как бык и умница! – возразил Завгородний. – Мы же лишимся человека, привязанного к гестапо.

– погоди, Павел! – сказал товарищ Алексей. – Задача, которую должна решить группа Маркова, настолько значительна, что нужно считать за честь участие в этом деле. Это раз. Во-вторых, насколько я понимаю, заменить инженера Русакова тебе нетрудно. Пусть он сам подберет себе замену. Трофима Кузьмича, например. Он же у тебя до сих пор без дела...

Завгородний неохотно согласился. Марков сказал ему – для передачи инженеру – несколько советов. Завгородний ушел: он еще этой ночью должен был вернуться в город.

– Что у вас еще? – спросил товарищ Алексей. Марков рассказал о том, что выяснила его разведка.

– Самое первоочередное, – сказал он, – надо отодвинуть подальше от моей базы партизанский отряд, о действиях которого говорил Савушкину полицай Феропонтов. В моей зоне пока должно быть тихо. Мы выполняем такое ответственное задание, что привлекать к этому району внимание противника не следует.

– Что же это за отряд? – товарищ Алексей задумался и сказал: – Это что-то новое, наверно, окруженцы подсобрались. Хорошо, я пошлю туда человека.

– Еще просьба... – Марков улыбнулся. – С нами вы хлопот не оберетесь.

– Давайте, давайте, – строго сказал товарищ Алексей. – Я-то знаю, о каком деле речь.

– На зиму мой остров не годится, он станет голый, как лысина. Нужно, чтобы вы порекомендовали мне какое-нибудь лесное место для новой базы.

– Подумаю. А как у вас с продовольствием?

– Имеем неприкосновенный запас. А пока кое-что доставляют бойцы отряда. Нас же не так много.

– Смотрите, сигнальте, если что. Поможем.

– Спасибо... и опять просьба...

Они обсудили еще немало больших и малых дел и договорились о шифре и о схеме радиосвязи между собой.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул товарищ Алексей.

В подвал вошел водитель мотоцикла.

– Пора ехать, а то до рассвета мы не успеем...

– Пора так пора, – товарищ Алексей встал и протянул руку Маркову. – Ну что ж, закроем первую нашу конференцию. Вроде все ясно. И будем теперь поддерживать регулярную связь. До свидания. Желаю вам успеха.

К рассвету Марков, Кравцов и сопровождавшие их бойцы во главе с Будницким были уже на границе болота и, построившись цепочкой, направились к острову.

Глава 7

Несколько очень важных шифровок:

От подпольного обкома – Маркову

«С Русаковым в порядке. Проходит ускоренное обучение в известном вам учреждении. Ориентировочно его выезд – конец октября. Человек, с которым он там имеет дело, – бывший офицер Красной армии Андросов Михаил Николаевич. До войны он как будто служил в Прибалтийском военном округе. Наши встречи с Русаковым крайне затруднены. Павел виделся с ним только один раз и вряд ли увидится еще. Наблюдение за учреждением продолжается, но заранее хотим предупредить, чтобы вы не возлагали больших надежд на его результаты. Пантелеев торгует нормально. Привет. Алексей».

От Маркова – комиссару госбезопасности Старкову

«Русаков, о котором я сообщал, ориентировочно прибудет в конце октября. Явится к вам немедленно по прибытии. Срочно надо выяснить фигуру Андросова Михаила Николаевича, работающего в интересующем нас месте и, по-видимому, связанного с вербовкой агентуры. По непроверенным сведениям, до войны служил в Прибалтийском военном округе. Рудин готовится к походу в город. Пантелеев действует нормально. Люди Будницкого успешно продолжают свое дело, беспокоя и отвлекая внимание противника. Привет. Марков».

Из Москвы – Маркову

«Ждем Русакова. Относительно Андросова пока получили следующие данные: год рождения – 1911, уроженец города Кромы Курской области, учился в Курском военном училище, затем служил в армии. В 1939 году окончил курсы усовершенствования командного состава и работал в штабе Ленинградского военного округа, откуда в 1940 году был переведен в Прибалтийский округ. Со всех этих мест, исключая Прибалтику, отзывы положительные, как официальные, так и лиц, его знавших. Словесный его портрет сообщу вам в ближайшие дни. При первой возможности перешлем фото. В штабе Прибалтийского округа, по имеющимся скудным данным, Андросов работал до самой войны. За утерю секретного штабного документа он решением партийного собрания штаба примерно в мае 1941 года исключен из партии, приказом командующего понижен в звании и отчислен в резерв. Есть не очень надежная деталь, что в последние дни перед войной он болел. Предприняты меры для получения дополнительных данных и перепроверки сообщаемых сейчас. Нельзя не опасаться, что у вас может оказаться совсем другой человек, существующий по версии и документам Андросова. Привет. Старков».

От Маркова – товарищу Алексею

«Если появится возможность, получите от Русакова описание внешности Андросова. Желательны какие-то особые приметы по внешности, в голосе, в манере держаться и тому подобное. Привет. Марков».

От подпольного обкома – Маркову

«Павел видел инженера второй и теперь наверняка последний раз. К сожалению, это произошло ранее получения нами вашей радиограммы относительно внешности Андросова. Другие возможности для выполнения вашего задания мы вряд ли будем иметь. Русакова отпускали на несколько часов в город в связи с близкой отправкой. Ему доверяют. Привет. Алексей».

Из Москвы – Маркову

«Русакова ждем с нетерпением. Дополнительно по Андросову. Мы нашли подполковника Маслова – секретаря партийной организации, где разбиралось дело Андросова. Он считает, что в утере документа Андросов непосредственно не виноват, но по непонятным мотивам то ли из ложного чувства товарищества, желая выгородить других, он всю вину взял на себя и при этом вел себя вызывающе, что способствовало принятию крутого решения. После отчисления в резерв много пил, а перед самой войной заболел. Жил он в Риге один, семьи у него нет.

Допускается возможность, что в суматохе эвакуации о нем, больном, забыли. При ориентации Рудина все это крайне важно. Как можно тщательнее разработайте вместе с Рудиным варианты его разговора с Андросовым. Очевидно, что его ахиллесова пята – обида. Привет. Старков».

От подпольного обкома – Маркову

«По всем данным, Русаков отбыл. Привет. Алексей».

Из Москвы – Маркову

«Русаков прибыл благополучно. Сообщаю полученные от него данные. Андросов занимается первичной проверкой всех поступающих в «Сатурн» русских военнопленных, намечаемых к вербовке в агенты. По его совету принимается решение брать человека в агенты или отправлять обратно в лагерь. Подтверждается, что в отделе подготовки документов для агентов работает другой русский и тоже бывший советский офицер – Щукин. Андросов – умный, волевой, рост выше среднего, блондин. Шевелюра светлая, редкая, с намечающейся лысиной. Голубые глаза. Эти данные совпадают с нашими. У немецкого начальства пользуется полным доверием. В отношении других русских сотрудников «Сатурна», в том числе о Щукине, сведения инженера очень скудные. В аппарате «Сатурна» на мелких незначительных постах есть и русские эмигранты старой формации, которые враждуют с русскими типа Андросова. Немцы относятся к ним пренебрежительно. Кроме того, есть несколько русских, полученных Германией от Маннергейма из числа пленных Русско-финской войны. Они обработаны лучше других и представляют серьезную опасность, используются на более значительных постах, в частности на преподавательской работе. По-моему, следует ускорить отправку Рудина. Привет. Старков».

Глава 8

Было то время осени, когда даже в солнечный день чувствовалось, что зима уже стоит за дверью. По ночам жухлая трава становилась седой от инея и не оттаивала до полудня. Паутинный ледок на лужах холодно блестел на солнце весь день. Кустарник сбросил листву, болото хорошо и далеко просматривалось. Это очень тревожило Маркова. На острове был заведен порядок, чтобы днем ничто не выдавало присутствия здесь людей. Предстоял переход на зимнюю базу, оборудованную в соседнем лесу. Она была уже готова, и часть бойцов Будницкого даже жила там. Все остальные должны были перебраться на новое место в самые ближайшие дни, – ждали ненастной погоды, когда в небе не будут кружить немецкие самолеты-разведчики. По ночам бойцы Будницкого переносили туда имущество и боеприпасы.

Никто на острове так не ждал этой ненастной погоды, как ждал ее Рудин. Когда остров покинут все его обитатели, начнется и его операция по проникновению в «Сатурн». Началом ее будет фиктивный бой небольшого отряда бойцов Будницкого с гитлеровским гарнизоном села Никольского. Во время этого боя Рудин и сдастся в плен.

Попав к гитлеровцам, Рудин должен сделать все от него зависящее, чтобы они им заинтересовались. Для этого была разработана подробная и импонирующая немцам легенда его жизни и судьбы. Главная же его цель – добиться, чтобы интерес к нему проявил «Сатурн», а там попасть на допрос к Андросову. Давно продумано множество вариантов поведения Рудина на допросе в «Сатурне», но все они могли оказаться бесполезными, если его усилия заинтересовать собой «Сатурн» ни к чему не приведут. Мысль о возможности такого поворота дела была настолько страшной, что по сравнению с ней самый допрос в «Сатурне» казался Рудину совсем нетрудным. Хотя он прекрасно понимал, что допрос этот может закончиться и тем, что Андросов отправит его на виселицу...

С самого утра день нахмурился, заморосил дождь, который, как и серое небо, становился все гуще и злее. Сильный порывистый ветер свистел в кустарнике, закручивал желтые смерчи из отяжелевших мокрых листьев. Непогода, которую так ждали, пришла. Марков отдал приказ приготовиться к ночному маршу и к бою у села Никольского.

В землянку Маркова пришли Будницкий и старшина Ольховиков, назначенный командиром группы, которая должна провести бой. Втроем они склонились над картой местности. Марков показал Ольховикову на село Никольское.

– Знаете это село? – спросил Марков.

– Как не знать? Вторую неделю к нему принимаемся, – прогудел Ольховиков. – Там же есть гарнизон, и мы собираемся его прикончить.

– Сегодняшний бой – только разведка, – строго сказал Марков.

– Да зачем? – обиделся Ольховиков. – Мы же их уже разведали, по харям всех знаем.

– Скажу яснее: сегодняшний бой должен быть фиктивным... фальшивым.

– Каким, каким? – не понял Ольховиков.

– Фальшивым. Гарнизон нужно только растревожить, но особенно злить не надо.

Ольховиков не верил тому, что слышал; своими большими серыми глазами он недоуменно смотрел то на Маркова, то на Будницкого, то на Рудина.

– Да, да, вот так, – улыбнулся Марков. – Бой этот нам нужен только для того, чтобы вот он, – Марков показал на Рудина, – имел возможность по ходу боя сдать в плен.

– Он? В плен? – Ольховиков даже сел на ящик, но тот угрожающе затрещал, и старшина вскочил. – Зачем?

– Так надо.

– В плен? Надо? – у Ольховикова от удивления сорвался голос.

– Раз начальство говорит – надо, значит, надо, – нравоучительно заметил Будницкий. И эта, в общем, ничего не объяснявшая сентенция успокоила Ольховикова.

– Ясно – приказ, – сказал он тихо, посмотрел на Рудина и вздохнул: – Ай-яй-яй! Ну и ну...

– Но то, что я сказал, знаете в группе только вы, – продолжал Марков. – Для всех ваших бойцов эта операция не что иное, как разведка боем. И боем осторожным. Понятно?

– Понятно!.. Ну и ну...

– А раз понятно, идите готовьтесь к делу.

Будницкий и Ольховиков вышли на поверхность и остановились в кустарнике. Глядя на старшину снизу вверх, Будницкий сказал:

– Но что ты знаешь, немец знать не должен. Он, как и твои бойцы, должен думать, что бой как бой. И вроде бы у тебя сил не хватает на решающую атаку. Ясно?

– Уж так ясно, что голова кругом идет!

– Ты это брось! – строго сказал Будницкий. – Голову раскрути в нормальное положение и думай.

– Я думаю, – прогудел Ольховиков.

– Вот что я решил насчет выхода из боя, – помолчав, сказал Будницкий. – Фрицы не должны это почувствовать сразу. Понял? Как почувешь, что скоро рассвет, пошли трех ребят вправо, трех – влево. И чтобы они постепенно, не прерывая огня, отходили лучами в разные стороны, а с рассветом торопились на новую базу. Понял? А остальные пусть продолжают лобовой огонь вблизи. Тогда фрицы решат, что боковой огонь – начало окружения. Понял? Внимание их распадется на три направления, плюс у них заиграют нервы. А ты в это время из лобовой группы снимай по бойцу и отправляй на базу, чтобы, как рассветет, все кругом было тихо и вас там нет. Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.